

ТЕОРИЯ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Теория заблуждений

Армен Гаспарян

**Неизвестные страницы
Великой Отечественной войны**

«ВЕЧЕ»

2012

Гаспарян А. С.

Неизвестные страницы Великой Отечественной войны /
А. С. Гаспарян — «ВЕЧЕ», 2012 — (Теория заблуждений)

ISBN 978-5-4444-9169-0

Радиокомпания «Голос России» является единственной российской радиостанцией, вещающей за рубежом. Программы «Голоса России» на русском языке имеют широкое распространение на территории СНГ и Балтии, где они транслируются на коротких, средних и длинных волнах. Наибольший отклик у слушателей «Голоса России» на всем постсоветском пространстве и в странах дальнего зарубежья находят программы, посвященные истории. В настоящую книгу включены материалы ряда передач из цикла программ «Теория заблуждений». В гостях у ведущего программы Армена Гаспаряна известные российские историки рассказывают о трагических страницах Великой Отечественной войны. Каждая программа – отклик на злободневные и часто фальсифицируемые темы отечественной истории. Читатель узнает таинственные и малоизвестные детали о предвоенных планах СССР, штрафбатах, партизанском движении, трагедии плена, деле партизана Кононова, Латвийском легионе, войсках СС...

ISBN 978-5-4444-9169-0

© Гаспарян А. С., 2012
© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Вместо предисловия	6
К. Залесский. Начало Второй мировой войны	7
М. Мельтюхов и В. Невежин. Предвоенные планы СССР	20
А. Исаев. Теория Виктора Суворова	33
Н. Аничкин. Пограничники в 1941 году	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А. С. Гаспарян
Неизвестные страницы
Великой Отечественной войны

© Автор-составитель, Гаспарян А. С., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

* * *

Вместо предисловия

После распада Организации Варшавского договора, а вслед за ней и СССР, в десятках государств принялись переписывать историю в угоду идеологии. В результате чего в школьных учебниках Саласпилс вдруг стал называться «трудовым лагерем», а авария на Чернобыльской АЭС – «преступлением московско-большевистской власти, призванным уничтожить Украину».

Помимо этих недавних примеров есть и примеры, имеющие гораздо более долгую историю. Это конкретные истории времен Второй мировой войны, когда роль советских войск и мотивация их действий в конкретных обстоятельствах трактуется не в соответствии с историческими данными, а в духе последовавшей за теми событиями холодной войны. Много написано на Западе о том, что советские войска не освобождали Варшаву, ожидая подавления восстания. Однако совершенно неизвестно о том, что американцы не входили в Париж, дожидаясь подавления восстания немецкими войсками. Это и двойные стандарты в оценке российской внешней политики сегодня.

Радиокомпания «Голос России» является единственной российской радиостанцией, вещающей за рубежом. Это означает, что для огромной заграничной аудитории эта радиостанция может являться единственным источником для получения такого рода сведений. Социологические исследования показывают, что интерес в мире к вопросам истории стоит в рейтинге востребованных тем очень высоко. Программы «Голоса России» на русском языке имеют широкое распространение на территории СНГ и Балтии, где они транслируются на коротких, средних и длинных волнах. Вещание на русском языке осуществляется также круглосуточно по Интернету.

Наибольший отклик у слушателей «Голоса России» на постсоветском пространстве и в странах дальнего зарубежья находят программы, посвященные истории. Слушатели жалуются на доминирование одной, утвержденной властями исторической точки зрения и говорят о необходимости содержательной дискуссии по главным событиям новейшей истории. Так появился цикл программ «Теория заблуждений».

Каждая передача – некая папка «дело №N». Предмет разбирательства – это или глава из школьного учебника, дающая сомнительную трактовку событиям прошлого века, или случай современной истории, демонстрирующий «новый взгляд» на историю. Будь то слет легионеров латвийского легиона СС или решение подсчитать ущерб от «советской оккупации».

Вместе с автором программы журналистом Арменом Гаспаряном разбираться в «деле №N» будут ведущие российские специалисты по истории XX века. В этом сборнике читателю представляются беседы о Второй мировой войне.

К. Залесский. Начало Второй мировой войны

Константин Залесский. Российский историк.

Автор многочисленных исследований по Второй мировой войне.

ГАСПАРЯН: Наверное, будет уместно с моей стороны сразу сделать утверждение, что пакт Молотова – Риббентропа, подписанный в августе 1939 года, можно назвать прелюдией ко Второй мировой войне.

ЗАЛЕССКИЙ: В принципе, да: вернее, можно сказать, что прелюдией ко Второй мировой войне был не столько сам факт подписания в Москве пакта Молотова – Риббентропа, а весь запутанный и полный противоречий ход международных отношений примерно с марта 1939 года и, соответственно, до 1 сентября.

ГАСПАРЯН: Вот давайте тогда мы с этого и начнем. Потому что все знают «верхушку айсберга» подписания в Москве этого исторического пакта о ненападении, но мало кто вообще имеет представление о тех сложных процессах в международной политике, в частности, европейской, конечно, прежде всего, которые происходили начиная с марта того самого года.

ЗАЛЕССКИЙ: Накануне войны образовался очень серьезный клубок противоречий, когда на мировой – прежде всего на европейской – арене схлестнулись интересы трех очень серьезных игроков. Это, прежде всего, Запад – так называемые западные демократии, то есть Англии и Франции; нацистская Германия, которая стремилась к эскалации войны и шла к ее началу семимильными шагами. Вся ее политика была направлена непосредственно на инициирование военного конфликта в Европе.

ГАСПАРЯН: Но Гитлер никогда и не скрывал подобных своих установок.

ЗАЛЕССКИЙ: Абсолютно не скрывал. Он иногда позволял себе несколько туманно высказывать свою позицию, но, в принципе, совершенно четко вел свою страну именно к военному конфликту. Со своей стороны, западные демократии стремились прежде всего сохранить остатки той самой Версальской системы, в которой им отводилась ведущая роль. И, соответственно, новым, третьим игроком был Советский Союз. Его позиция была чрезвычайно важна как для одной, так и другой стороны, в связи с чем он фактически оказался в роли той самой силы, которая должна была перетянуть чашу весов на сторону либо одних, либо других.

ГАСПАРЯН: То есть утверждение, что Советский Союз игнорировался этими игроками, в корне неверно?

ЗАЛЕССКИЙ: Абсолютно неверно. Советский Союз был игроком, причем, игроком активным.

ГАСПАРЯН: Внешнеполитическим.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, на международной арене. И в 1939 году он, возможно, являлся, скажем так, едва ли не главным игроком. В то смысле, что от его позиции зависело очень много. И на самом деле сложилась такая ситуация, что советское руководство, банально руководствуясь исключительно собственными интересами – совершенно четкими внешнеполитическими интересами первого в мире «государства рабочих и крестьян», – начало эту самую «большую игру». То есть, уточним: эту игру начал именно Советский Союз. Это произошло в начале 1939 года, где-то в середине апреля, когда пока еще занимавший пост наркома иностранных дел Литвинов официально озвучил предложение советского правительства заключить трехсторонний пакт с Англией и Францией о взаимопомощи, причем одновременно подписать еще и военную конвенцию. То есть фактически заявил: господа, надо объединиться.

ГАСПАРЯН: То есть неверно, значит, утверждение, что вот этот резкий поворот в советской внешней политике связан с отставкой Литвинова и назначением Молотова, как принято считать?

ЗАЛЕССКИЙ: Это был чрезвычайно важный шаг. И он был совершен именно для того, чтобы еще больше активизировать «большую игру». Так как получалось, что Литвинов для этой игры не подходил.

ГАСПАРЯН: А почему?

ЗАЛЕССКИЙ: Литвинов был стойким и убежденным англофилом, то есть для него какие-либо дипломатические игры с нацистской Германией были абсолютно неприемлемы.

ГАСПАРЯН: Но ведь, собственно говоря, Советский Союз никогда не скрывал своего, мягко говоря, очень критического отношения к нацистской Германии. Поэтому позиция Литвинова едва ли выбивалась из общего вектора настроений.

ЗАЛЕССКИЙ: Не только. Советский Союз никогда не скрывал и своего, мягко говоря, критического отношения к Англии и Франции, которые были, если мы с вами вспомним, организаторами военной интервенции в Советскую Россию. Это были, как мы их называли, империалистические державы.

ГАСПАРЯН: Ну, а республика в кольце врагов? Это же известное утверждение Ленина, друзей-то нет.

ЗАЛЕССКИЙ: И, соответственно, с точки зрения советского государства времен 1939 года, что нацистская Германия, что Англия и Франция – это враги, непримиримые враги социалистического государства. И в данном случае Сталин, как руководитель страны и, естественно, ее внешней политики, вступил в игру, пытаясь сыграть – и сыграв – на противоречиях между двумя блоками своих врагов. То есть Советский Союз не питал никаких теплых чувств ни к нацистской Германии, ни к Англии и Франции, ни тем более к Польше.

ГАСПАРЯН: Но Польша – это вообще враг номер один в тот момент. Если посмотреть выступления Тухачевского, то они все пронизаны-то одним.

ЗАЛЕССКИЙ: Так Польша и официально считалась врагом номер один. Польша считалась ударной силой того самого западного империализма, который представляли Англия и Франция.

ГАСПАРЯН: Белопанская Польша, так ее называли.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, белопанская Польша. Причем, в этом была очень большая доля правды, потому что польские руководящие круги – а там у власти как раз находились «пилсудчики» – относились к Советскому Союзу как к врагу номер один, как к главному противнику, и вообще они с ним воевать собирались.

ГАСПАРЯН: Знаменитый план «Прометей».

ЗАЛЕССКИЙ: Конечно. Великая Польша от моря до моря. И вот тогда-то и было сделано заявление, широко распропагандированное заявление, которое после войны было превращено в большой миф о том, как Советский Союз боролся за международную безопасность и как ему это не дали сделать. А на самом деле, сделав это заявление и тем самым...

ГАСПАРЯН: А почему, кстати, миф?

ЗАЛЕССКИЙ: Да потому что это заявление не было направлено на упрочение международной безопасности. Это было предложение Англии и Франции...

ГАСПАРЯН: Но ведь предложение было сделано, почему же миф?

ЗАЛЕССКИЙ: Так нет, предложение было сделано, но предложение было сделано не для сохранения международной безопасности.

ГАСПАРЯН: А для чего же тогда?

ЗАЛЕССКИЙ: Оно должно означать предложение о начале переговоров, в ходе которых Советский Союз выдвинул предложение встать на сторону Англии и Франции в том случае, если получит за это совершенно конкретную компенсацию.

ГАСПАРЯН: Какую же?

ЗАЛЕССКИЙ: В ходе дальнейших переговоров Англии и Франции дали совершенно конкретно понять, что от них требуется. Прежде всего они должны были согласиться на принятие термина «косвенной агрессии» в трактовке Сталина, которая подразумевала под собой свободу рук Советского Союза в Прибалтике, то есть фактически распространение на Прибалтику зоны влияния Советского Союза с последующим – ну, понятно – либо вводом войск, либо инспирированием прихода к власти коммунистических кругов и присоединением к СССР. Следующее требование – это на случай военных действий свободный проход войск через Польшу и Румынию.

ГАСПАРЯН: Это вот те самые «коридоры», о которых сегодня много и активно спорят?

ЗАЛЕССКИЙ: Да. Что за этим следует, когда советские войска вступают на чью-то территорию с дружественными целями? В принципе, можно предположить с большой долей вероятности. То есть дальше будет, соответственно, присоединение той части Польши, которую, в конце концов, мы и получили, и, естественно, присоединение Бессарабии. То есть, в принципе, были поставлены совершенно конкретные условия. Естественно, все было сделано несколько завуалировано. Но для англичан это не составляло абсолютно никакой тайны – то, что это было завуалировано дипломатическими методами. Предложения СССР были обсуждены на заседании Кабинета министров, где лорд Галифакс уже прямо заявил: эти формулировки дают России неоправданно широкие права, означая по существу «неприкрытое вмешательство во внутренние дела Балтийских государств». Англичане абсолютно четко поняли это все. После чего они пришли к выводу, что они не готовы заплатить эту цену за союз с Советским Союзом. Французы, как позже выяснилось, были готовы.

ГАСПАРЯН: То есть Франция готова была, в принципе, пожертвовать.

ЗАЛЕССКИЙ: Сначала была не готова, но к августу французы решили, что дело принимает такой плохой оборот, что, в общем-то, можно наплевать и на Польшу, и на Прибалтику. Тут уже речь о собственной, а не международной безопасности идет... Но англичане уперлись. Они сказали, что не готовы, скажем так, торговать другими странами, что уже в Мюнхене как бы один раз нарвались, и больше этим они заниматься не будут. В результате все закончилось фактически срывом переговоров. Так вот, самое интересное в том, что практически одновременно с тем, что Англии и Франции было сделано то самое предложение о международной безопасности, вдруг неожиданно советский посол в Берлине посетил статс-секретаря министерства иностранных дел Вейцекера. Станным было то, что это был первый визит в министерство, а он там сидел уже полгода.

ГАСПАРЯН: А почему до этого он не ходил? Не было потребности?

ЗАЛЕССКИЙ: Нет, он не ходил. Ну, он вручил там грамоты верительные. Нет, не ходил, а зачем? Дипломатические отношения с Германией были крайне натянутые, никакого про света в них, в общем, не было. И в той, и в другой стране пропагандистские кампании клеймили друг друга, только разве что не доходя до неприличных выражений.

ГАСПАРЯН: Но это потом исправлено было, уже в годы Второй мировой войны.

ЗАЛЕССКИЙ: И тут он пришел и поговорил просто так, просто ни о чем. Был такой разговор, что – а вот переговоры идут медленно. В принципе, ведь между Германией и Советским Союзом нет серьезных противоречий. А идеологические разногласия не должны нам мешать. У вас своя страна, у нас своя страна, почему бы нам, так сказать, не улучшить отношения. То есть такой ничего не значащий разговор, если не считать того, что посол пришел... Совершил свой первый визит через полгода после прибытия в страну. Немцы, в принципе, все поняли. То есть министерство иностранных дел Германии составило себе мнение о том, что ему предлагают...

ГАСПАРЯН: Это зондаж фактически почвы?

ЗАЛЕССКИЙ: Конечно, это был зондаж. И затем он продолжился. Причем, с Германией переговоры шли довольно тяжело, потому что у власти стоял Гитлер, который, по большому счету, сначала отнесся к самой возможности пакта с Советским Союзом как к пакту с дьяволом. То есть Германия не может заключить пакт с СССР, просто не может, потому что...

ГАСПАРЯН: Это нарушит все установки просто нацистской партии.

ЗАЛЕССКИЙ: Но, конце концов, он пришел к выводу – и здесь огромную роль сыграл Риббентроп, – что заключение подобного пакта все же возможно. В это время Англия и Франция со своей стороны взяли курс на то, чтобы, не заключая пакт с Советским Союзом, затягивать переговоры, оставив ситуацию в подвешенном состоянии. То есть, в данном случае они надеялись, что пока позиция Советского Союза неясна, это будет играть сдерживающую роль в отношении нацистской Германии. То есть, когда неизвестно, как поступит Советский Союз в случае начала войны, уже сама гипотетическая возможность вмешательства его в конфликт может удержать Германию от начала военных действий, что, на самом деле, было совершенной фикцией. То есть Гитлера это бы не удержало однозначно совершенно – это если судить по его действиям. И потом, когда Советский Союз понял, что он не получит той компенсации, которую хотел...

ГАСПАРЯН: Взоры обратились на Берлин.

ЗАЛЕССКИЙ: Причем, Советскому Союзу, естественно, Сталину гораздо выгоднее было получить эту компенсацию от Англии и Франции. Тогда она была бы значительно более законной, с международной точки зрения.

ГАСПАРЯН: Но ведь со стороны Советского Союза получается ровно тот же «пакт с дьяволом», как и со стороны Германии.

ЗАЛЕССКИЙ: Да.

ГАСПАРЯН: Не тешил себя никто, наверное, иллюзиями по поводу миротворческой позиции Гитлера, по поводу всех этих заявлений, которые там проходили?

ЗАЛЕССКИЙ: Конечно, нет. Цель Советского Союза, официально декларированная на съездах партии, – это распространение социализма, социалистического строя, власти рабочих и крестьян по всему миру. Соответственно, в данном случае шла игра, чтобы распространить справедливое общество на определенные территории. Эти территории были совершенно конкретно обозначены. И когда дело с Германией дошло уже до конкретных переговоров, были перечислены именно те же территории, что в свое время Англии и Франции. В отличие от руководителей Англии и Франции, Гитлер не был человеком, который считал, что он не может поступиться судьбой других стран, и совершенно спокойно пошел навстречу Сталину. Тем более что Гитлер не рассматривал этот договор как...

ГАСПАРЯН: Необходимый для исполнения.

ЗАЛЕССКИЙ: Как его к чему-нибудь обязывающий документ. У него же с Польшей тоже был договор.

ГАСПАРЯН: Так у него и со странами Балтии договоры были.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, со всеми. И когда поляки захотели продлить договор – а он был заключен ранее на пять лет – то Варшава предложила: давайте теперь его заключим на 10 лет. В ответ Гитлер сказал: да давайте на 25, мне все равно. А через два года он напал.

ГАСПАРЯН: Не смущало его.

ЗАЛЕССКИЙ: Но это абсолютно его не смущало. И он, естественно, пожертвовал. То есть Советский Союз сыграл свою игру, получил то, что он хотел. То есть цели были достигнуты. Но другое дело, что началась война. Но в данном случае, конечно, Гитлеру было это выгодно – обеспечить нейтралитет Советского Союза. Но, понимаете, что произошло, то произошло. На мой взгляд, пакт Молотова – Риббентропа – это был результат совершенно конкретной, может быть, несколько циничной политики.

ГАСПАРЯН: А политика вообще штука очень циничная. Разве кто-то может назвать какой-то договор и сказать в ретроспективе лет через 60, что он не был циничным?

ЗАЛЕССКИЙ: Скорее всего, нет. Потому что – а как? Политика вообще – вещь грязная. Компромиссы, решения за другие страны их судьбы. Тем более, еще раз подчеркну, что в тот момент Сталин был готов договаривался что с нацистской Германией, своим идеологическим противником, что с Англией и Францией...

ГАСПАРЯН: Еще, может быть, большим идеологическим противником.

ЗАЛЕССКИЙ: Лидерами мировой буржуазии, которые спят и видят, как бы удавить Советский Союз, задушить его костлявой рукой голода. Он сыграл свою игру четко, цинично, рационально и получил то, что хотел.

ГАСПАРЯН: А правду говорят, что после подписания Сталин якобы торжественно сказал, что все, обманул Гитлера? Или это миф?

ЗАЛЕССКИЙ: Вы знаете, а это никак не подтверждается.

ГАСПАРЯН: Но откуда взялась вот эта вот история, многократно воспетая кучей самых разных авторов?

ЗАЛЕССКИЙ: Это прошло в каких-то мемуарах, если я не ошибаюсь, и потом это ретражировал Виктор Суворов. Как бы сам факт, что Сталин обманул Гитлера, понимаете, из всего вытекает, что эти слова он не должен был сказать, потому что он Гитлера не обманывал.

ГАСПАРЯН: Равно как и Гитлер, наверное, не обманул Сталина.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, была определена цена за конкретные действия. Эта цена была заплачена. Так в чем же он обманул Гитлера? Он его ни в чем не обманул: Советский Союз точно выполнил взятые на себя обязательства, Германию цена, поставленная за эти услуги, полностью устроила.

ГАСПАРЯН: Вы знаете, есть достаточно известный публицист на западе Виктор Суворов – это бывший наш разведчик. Он же выстроил целую теорию по этому поводу. Я вот вкратце ее обрисую. Почему Сталин обманул Гитлера? – потому что уже через неделю Германия оказалась втянута во Вторую мировую войну, и весь мир клеймит ее как агрессора и Гитлера соответственно как человека, развязавшего кровавую бойню, а Сталин остался в стороне. Вот поэтому якобы Сталин обманул Гитлера.

ЗАЛЕССКИЙ: В данном случае Гитлер и без этого пакта все равно бы в войну втянулся. Вопрос-то в том, а если б пакт не был заключен? – То через две недели Гитлер бы втянулся во Вторую мировую войну, а Сталин остался бы ни при чем.

ГАСПАРЯН: Говорят, что именно пакт якобы открыл Гитлеру дорогу к Второй мировой войне, это же в том числе сейчас и в странах Балтии очень популярна теория, что есть два тирана, которые встретились, о чем-то между собой договорились, что-то подписали, после этого началась трагедия.

ЗАЛЕССКИЙ: В принципе все, что относится к начальному периоду войны, очень сильно мифологизировано. Понимаете, тут ситуация ведь какая: у стран Балтии, у которых, к сожалению для них, – тут деваться просто некуда – фактически нет собственной истории, в смысле истории государственности. История из государств после Октябрьской революции.

ГАСПАРЯН: Ну, так называемые страны-лимитрофы.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, страны-лимитрофы. Причем, надо сказать, звучит как-то обидно, хотя на самом деле это от латинского лимитрофус – пограничный...

ГАСПАРЯН: Но это устоявшееся название.

ЗАЛЕССКИЙ: Но ведь обидное на самом деле, мол, какое-то не совсем обычное государство. Но это оно у нас устоявшееся, а у них не устоявшееся.

ГАСПАРЯН: Там же не только эти три государства оказались лимитрофами, там же еще были части других государств, которые были на том же ровно положении.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, но другие – а конкретно еще Финляндия – почему-то не комплексуют... Но вернемся: значит, нужно создавать историю. Может ли страна существовать без своей истории? – Не может! Значит, ее надо создавать. А как ее создавать? А куда деваться-то странам Балтии?! – Им деваться некуда! У них варианты отсутствуют, им нужно, чтобы Советский Союз был оккупантом. Почему? – Потому что он уничтожил ту самую их государственность, которая существовала 20 лет. А больше у них ничего нет!

ГАСПАРЯН: Нет, при этом получается достаточно интересная так называемая «вилка». Страны Балтии постоянно говорят об оккупации Москвы, об ответственности, которую Россия теперь как правопреемник Советского Союза должна нести, но при этом вот, например, отмечается 50-летие какого-нибудь, скажем, Государственного хора Эстонии, и ведь при этом никто не говорит о том, что этот хор был создан именно во времена Советского Союза.

ЗАЛЕССКИЙ: Понимаете, постоянно много пишут, что выборы в Прибалтике, которые проходили там в условиях присутствия советских войск...

ГАСПАРЯН: ...были антидемократичны.

ЗАЛЕССКИЙ: Были антидемократическими. Но это слова, понимаете? Не приведены факты. Не приведены факты о том, что были фальсифицированы выборы. Да, снимали депутатов, кандидатов в депутаты, да, был жесткий контроль за выборами, давление было оказано – все было. Но тем не менее факт того, что выборы состоялись, был? – Был! Законно – подчеркиваю слово – законно избранный Парламент принял решение о присоединении к Советскому Союзу? – Принял! После этого страны, демократические страны мира, то есть Соединенные Штаты, Англия и Франция...

ГАСПАРЯН: Признали итоги выборов.

ЗАЛЕССКИЙ: Они признали итоги выборов и они признали присоединение Балтии к СССР, хотя бы тем фактом, что они заключили с СССР договор, то есть последующие договора были заключены с СССР, в состав которого входили страны Балтии. То есть законность их вхождения в Советский Союз не подвергается сомнению, причем добровольное вхождение, а не захват.

ГАСПАРЯН: А сторонники этой теории говорят: «Ну, хорошо, да, выборы прошли законно, добровольное было вхождение, а зачем потребовались тайные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа? Все ведь это неспроста!»

ЗАЛЕССКИЙ: Вообще-то это дипломатия, это, можно так сказать, дело интимное. Что же об этом в открытую говорить-то?

ГАСПАРЯН: При этом складывается достаточно странная картина: любое тайное приложение к любому дипломатическому соглашению до, значит, 23-го августа, – это нормально, это вполне в русле любой внешнеполитической линии, есть только одно исключение – это пакт Молотова – Риббентропа.

ЗАЛЕССКИЙ: Нет, совершенно нормальная ситуация – наличие секретного протокола. Договор – пакт Молотова – Риббентропа – был опубликован и в советских, и в германских газетах...

ГАСПАРЯН: И в европейских газетах публиковался.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, они потом перепечатывали. Он был опубликован, он не являлся тайной или секретом. В секретном же протоколе устанавливались, скажем так, зоны влияния Германии и Советского Союза. Вообще-то о подобных соглашениях в принципе никто информировать правительства зарубежных стран не собирался: все-таки это секретная договоренность. Он, естественно, существовал, и в его наличии нет ничего странного. Что, Сталин хотел получить Прибалтику?! – Да, хотел, и Западную Польшу, и Западную Белоруссию, и Бессарабию. Именно это было целью этого пакта. А утверждение, что вот два тирана заключили пакт – и вот тут-то война и началась – это нонсенс. Война через два дня не начинается.

ГАСПАРЯН: Да даже через неделю.

ЗАЛЕССКИЙ: Она и через неделю не начинается. Чтобы начать военные действия, их нужно подготовить. Нужно разработать мобилизационные планы... На самом деле мы можем посмотреть, есть такой вот факт, это чисто формальная вещь: назначение немецких генералов на командные посты в группах армий, в армии, штабы, ну вот которые начали войну...

ГАСПАРЯН: Мы как раз вплотную подошли и остановились на том, что германские военачальники на эту операцию были назначены 26 августа.

ЗАЛЕССКИЙ: Когда происходит назначение – не планирование, а именно назначение, – то штабы командований уже переформируются в штабы полевых армий, то есть полным ходом идет подготовка конкретно к началу военных действий. То есть этот процесс просто уже нельзя остановить. Сам факт пакта Молотова – Риббентропа, в принципе, никак не сказался на начале войны. То есть Гитлер бы ее начал в любом случае.

ГАСПАРЯН: То есть в любом случае она началась бы 1 сентября или в какие-то такие дни примерно?

ЗАЛЕССКИЙ: Она началась бы 1 сентября, может быть, 2 сентября, может быть, 30.

ГАСПАРЯН: То есть в любом случае он напал бы?

ЗАЛЕССКИЙ: Абсолютно точно, он бы напал на Польшу. Вопрос в том, чем бы это закончилось.

ГАСПАРЯН: Но говорят, что для Гитлера самого было неожиданностью то, как прореагировали Великобритания и Франция.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, Риббентроп уверял Гитлера, что Англия и Франция не объявят войну.

ГАСПАРЯН: А на чем он основывался в этом своем твердом убеждении?

ЗАЛЕССКИЙ: Дело в том, что Риббентроп не был сильным дипломатом, как показывают все его действия, вся его деятельность. То есть он в отличие от таких мастодонтов, как Нейрат, Шуленбург или какой-нибудь Хассель...

ГАСПАРЯН: Кадровые сотрудники.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, кадровые дипломаты. У него было потрясающе мало дипломатического опыта. И его политика носила, в целом, серьезный налет авантюризма. И он считал, что он понимает Англию и Францию, так сказать, их действия, просчитывает их. Он считал, что они не объявят войну. Почему? Значит, в этих странах, в Англии и во Франции – и это на самом деле оказало серьезное влияние на их позицию в Мюнхене в 1938 году – после Первой мировой войны правительствам приходилось считаться с «синдромом потерь» в обществе.

ГАСПАРЯН: И Европа страшилась новых многомиллионных потерь?

ЗАЛЕССКИЙ: Да. Франция – то есть французское общество – находилась просто в шоке от того, что может начаться война. То есть само моральное состояние населения Франции, в том числе солдат французской армии, показывало, что Франция не готова нести такие же потери, как в Первой мировой войне. То есть она не готова к широкомасштабным военным действиям. Именно не материально, а морально не готова. Не то что у них там не было пулеметов или танки были распределены по дивизиям – это как бы ошибки командования. А то, что они были не готовы именно с моральной точки зрения. В Англии это, естественно, проявлялось значительно меньше. Потому как Англия, во-первых, на островах, и на ее земле Первая мировая война не шла, во-вторых, она меньше потеряла. Кроме того, Британская империя всегда могла там использовать, например, новозеландцев – да вообще-то много кого из доминионов.

ГАСПАРЯН: Австралийцев.

ЗАЛЕССКИЙ: Австралийцев, южноафриканцев, индийцев. Много у нее было земель... Поэтому, кстати, потом, как мы уже с вами говорили, как раз Англия на пере-

говорах занимала более твердую позицию, а Франция все-таки готова была даже и пойти навстречу Советскому Союзу. И Риббентроп, основываясь, прежде всего, на этом, утверждал, что ради Польши – ради какой-то Польши – Англия и Франция не пойдут на открытие военных действий. Это полностью была ошибка Риббентропа. То есть это был провал фактически нацистской дипломатии. И Гитлер, естественно, был этим потрясен. Потому что он верил в то, что ему говорил его министр иностранных дел, он основывался на этой информации, принимая определенные серьезные решения.

ГАСПАРЯН: А знаменитая политическая интуиция Гитлера в этот момент дремала?

ЗАЛЕССКИЙ: Судя по всему, да. Но с другой стороны, как бы она там не дремала, ведь, понимаете, сам факт объявления ими войны был же чисто формален, фактически интуиция-то Гитлера не подвела. Объявив войну, Англия и Франция не развернули широкомасштабных военных действий.

ГАСПАРЯН: И поэтому называлась странная война.

ЗАЛЕССКИЙ: Странная война или сидячая война – в разных странах ее называют по-разному. У французов она – *Drôle* – «странная», у американцев – *Phony* – «фальшивая», у англичан – *Twilight* – «непонятная», у немцев – *Sitz* – «сидячая», у поляков – *Dziwna* – «странная». Ну и у нас она стала «странной».

ГАСПАРЯН: А странная, это то, что Сталин или Молотов выдал такое определение?

ЗАЛЕССКИЙ: Да вроде нет: по-моему, это наши историки и публицисты заимствовали, причем, скорее всего, у поляков – все же близкие языки... Да, так вот, в принципе интуиция на этом этапе в целом не подвела. То есть, Англия и Франция, можно сказать, фактически в войну-то не вступили.

ГАСПАРЯН: В широкомасштабную.

ЗАЛЕССКИЙ: В широкомасштабную, да. Формально они объявили, что находятся в состоянии войны. Но знаете, позже, во время Второй мировой войны противниками Германии и, кстати, союзниками Советского Союза было бесконечное количество латиноамериканских стран, – я недавно вернулся к этому списку, было интересно, кто же все-таки был союзником Советского Союза – так вот, в их числе была, например, Куба, где в это время у власти находился всем нам известный Батиста. То есть, он был нашим самым настоящим союзником. Это позже его сверг Кастро...

ГАСПАРЯН: То есть, Куба тоже в принципе является победителем во Второй мировой войне.

ЗАЛЕССКИЙ: Гондурас, Гватемала, ну и еще бесконечное количество латиноамериканских банановых республик – также Доминиканская республика. Ну, в общем, огромное количество. Да, конечно, они стали победителями. А как же! Таким образом Гитлер действительно был потрясен самим фактом того, что Англия и Франция вступили в войну. Но ведь он был потрясен этим фактом, потому как подразумевал, что если Англия и Франция объявляют войну, то следующим шагом они что делают? Они начинают наступление на Западный вал, который, скажем прямо, совсем был не такой уж неприступный, каким его объявляла немецкая пропаганда. То есть, он не представлял из себя, скажем так, серьезной преграды для армий противника, а группа армий «Ц», которая занимала оборону на западных границах, состояла по большей части из только что сформированных второочередных дивизий. То есть, тех, в которых основную массу составляли не кадровые военные, а мобилизованные. Очень показательно, что высшие командные посты в ней заняли прежде всего генералы, призванные в срочном порядке на службу из отставки. Все это лишь подтверждает тот факт, что это был второстепенный фронт. И в общем-то массированного удара, скорее всего, группа армий «Ц» не выдержала бы. Именно поэтому-то хорошо знавший положение вещей Гитлер как раз и был в шоке. То есть, он предположил, что за политическим жестом последуют шаги военные. А потом оказалось, что интуиция его не обманула и все это осталось

лишь политической декларацией. И он получил возможность не только успешно закончить войну с Польшей, но и успеть подготовиться к кампании на Западе. Сам-то Гитлер первоначально вообще хотел кампанию на Западе начинать в конце 1939 года.

ГАСПАРЯН: То есть, сразу.

ЗАЛЕССКИЙ: Да. Как идут дела в Польше? Все нормально? Тогда в ноябре начинаем! Закончили кампанию, перебросили войска на Запад... Ему, правда, в Генштабе сказали, что это просто невозможно. Потому что на самом деле Польская кампания – если серьезно разбираться – показала, что германская армия к войне по большому счету не готова.

ГАСПАРЯН: А к войне, по-моему, вообще нельзя быть готовым на сто %.

ЗАЛЕССКИЙ: Вы абсолютно правы: никогда вообще и никакая армия в мире. Это еще раз показывает, что совершенно надуманными являются утверждения: мол, Советский Союз заключил пакт, потому что он не был готов к войне, и ему нужна была передышка. Естественно, никто и никогда не может быть готов к войне.

ГАСПАРЯН: Да нет, здесь же, на самом деле, можно всегда сказать, что ну хорошо, был 1939 год, а до этого был 1938 год.

ЗАЛЕССКИЙ: Да.

ГАСПАРЯН: Мюнхенский сговор. А в чем принципиальная разница?

ЗАЛЕССКИЙ: Принципиальная разница состоит прежде всего в том, что по Мюнхенским соглашениям Германия получила Судетскую область, населенную преимущественно исключительно немцами.

ГАСПАРЯН: Ну, это детище Версальского договора. Здесь нельзя сказать, что опять во всем виноват Советский Союз. Потому что мы-то как раз не подписывали Версаль.

ЗАЛЕССКИЙ: Версальский договор вообще кошмарное произведение дипломатии Англии и Франции, которые почему-то посчитали, что с помощью какой-то бумажки они смогут руководить всей Европой – и следовательно миром.

ГАСПАРЯН: Ну, тот самый случай, на самом деле, когда ленинские слова-то абсолютно точно отражают суть явлений, что это мина замедленного действия вообще под всю Европу.

ЗАЛЕССКИЙ: Конечно. Во всех – практически во всех – этих наскоро нарезанных молодых суверенных государствах произошли национальные взрывы. Вся Европа содрогнулась. Знаете, если бы модно было на одну чашу весов положить пакт Молотова – Риббентропа, а на другую – Версальский договор, чтобы решить, какой из них сыграл большую роль в том, что первого сентября Германия напала на Польшу, то со значительным перевесом победил бы Версаль.

ГАСПАРЯН: Так, собственно говоря, и Гитлер этого никогда не отрицал.

ЗАЛЕССКИЙ: Конечно, не отрицал.

ГАСПАРЯН: Он же еще в «Майн кампф» сказал, что моя главная задача – это ликвидировать последствия Версаля.

ЗАЛЕССКИЙ: Он к власти пришел под этим лозунгом. Так ведь за него немцы-то и во многом голосовали именно потому, что он это обещал.

ГАСПАРЯН: Ну, это же национальное унижение, откровенно сказать.

ЗАЛЕССКИЙ: Это не просто национальное унижение. Вскоре после войны страны начали искать хоть какой-то выход из создавшейся ситуации. И в Австрии – оставшейся фактически каким-то несчастным осколком некогда огромной Австро-Венгерской империи, – немецкоговорящей Австрии было очень сильное пангерманское движение. И в Австрии, и в Германии заговорили о создании единого немецкого государства – то есть, объединенного мощного немецкого государства. Модно подумать – и в чем проблема-то? Ну хотят два государства объединиться – это же их право. Так что вы думаете? Когда стал решаться этот вопрос, прежде всего Франция костыми легла, категорически запретив объединение. Им

даже не дали создать Таможенный союз. Почтовые службы не дали объединить. Почему? Потому что, говорят, нельзя. Опасно.

ГАСПАРЯН: Германская военщина воскреснет.

ЗАЛЕССКИЙ: В результате в Австрии позже пришел к власти тот самый Дольфус, а за ним Шушниг. И на самом деле в 1930-х годах режим в Австрии очень мало имел общего с демократией.

ГАСПАРЯН: Вернемся к событиям в Польше. Вот Гитлер готовился сокрушить, в любом случае, он это бы сделал, да. Для чего потребовалось проводить все-таки провокацию на границе непосредственно, которая и послужила бы предлогом для начала боевых действий?

ЗАЛЕССКИЙ: Нет, она не была предлогом для начала военных действий. Она послужила пропагандистским поводом.

ГАСПАРЯН: Да, пропагандистский. Но все равно предлог. Польша отвергла требования Германии. Все. Вот повод для начала боевых действий.

ЗАЛЕССКИЙ: Повод всегда нужен. Глейвиц, на самом деле, был не один. Было предусмотрено проведение еще двух провокаций, например, в Хохлиндене переодетые в поляков немцы должны были разгромить таможенный пост. Это было необходимо, чтобы Гитлер на следующий день, выступая по радио, а Геббельс, в свою очередь, готовя заголовки газет, объявили, что поляки нападают на германскую территорию.

ГАСПАРЯН: И даже убивают людей.

ЗАЛЕССКИЙ: И убивают людей. Тем более, что ничего экстраординарного в нападениях поляков на эту территорию не было. То есть ничего из ряда вон выходящего. Потому что данная территория находилась в эпицентре непрекращающегося германо-польского конфликта. Это была та самая Силезия.

ГАСПАРЯН: Ну, это все тот же Версаль. Опять вернулись.

ЗАЛЕССКИЙ: Совершенно верно. В отношении этих территорий хоть какая-то видимость законности была. Здесь все-таки хотя бы плебисцит был проведен – мнением населения поинтересовались. Но все равно, и на той стороне осталось много немцев, а на этой – много поляков. И поэтому конфликтные ситуации в этом районе были вполне возможны. А значит, проведенная эта операция – она назвалась «Генрих», есть небольшие разночтения, но скорее все же «Генрих» – дала именно тот самый повод Гитлеру и Геббельсу выступить на следующий день с пропагандистским прикрытием кампании. Если бы не было Глейвица, то тоже ничего в принципе бы не изменилось. То есть, в этом случае был бы найден другой пропагандистский повод. Тем более что факты притеснения немецкого населения на территории Польши – абсолютно реальные: вплоть до погромов, вплоть до убийств.

ГАСПАРЯН: Антигерманские погромы в Польше были?

ЗАЛЕССКИЙ: Да, конечно. Причем, сопровождавшиеся, скажем так, серьезными жертвами.

ГАСПАРЯН: Готовясь к встрече с вами, посмотрел некоторые статьи, написанные польскими историками, и что-то там вообще об этом не упоминается. Там, в общем, парадигма понятная. Да, есть несчастное государство, на которое обрушилась, значит, большая Германия, непонятно за что.

ЗАЛЕССКИЙ: Знаете, это миф, очередной миф, созданный Польшей и опять-таки польскими историками, и опять-таки абсолютно понятно, зачем.

ГАСПАРЯН: Опять нужна государственность. Ее не было там до февраля 1917 года.

ЗАЛЕССКИЙ: На самом деле, понимаете, в Польше сейчас мифологизируют свою историю больше, чем где бы то ни было. Ведь дело в том, что большая часть современной Польши в XVIII в. была в составе не России, а Германии.

ГАСПАРЯН: То есть, претензии вообще надо туда, в сторону Берлина.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, да. То есть, выясняется, что существовало лишь Царство Польское. А как же Краков? Он вообще вместе со всей Галицией и Львовом был в составе Австро-Венгрии. И если взять сейчас карту современной Польши и наложить на нее Царство Польское, то будет совершенно точно видно, где находились основные польские территории – а именно в составе Германии. Германии Польша претензий пока не предъявляет. Что до погромов в конце 1930-х годов – то они были. На самом деле, проводимая польским правительством – Юзефом Бекком, который был министром иностранных дел, и Рыдз-Смиглу, главнокомандующим Войска Польского, – политика была направлена фактически на провоцирование начала военных действий. То есть, когда мы сегодня – из XXI века – смотрим, какую политику проводили польская дипломатия и польское руководство, то буквально волосы дыбом встают: о чем только эти люди вообще думали.

ГАСПАРЯН: То есть, грубо говоря, две страны были настроены на ведение боевых действий.

ЗАЛЕССКИЙ: Именно на ведение боевых действий.

ГАСПАРЯН: Просто кто первый нападет, что ли, получается?

ЗАЛЕССКИЙ: Поляки даже были готовы напасть первыми.

ГАСПАРЯН: Поляки были готовы напасть на Германию?

ЗАЛЕССКИЙ: Да, да. На самом деле планы войны против Германии со стороны Польши существовали примерно года с 1920-го. Уже в 1920 году. Чудо на Висле. Польша просила разрешение у стран Антанты: разрешите нанести сейчас удар. Тем более что сто-тысячный рейхсвер изначально был слабее Войска Польского. Он не смог бы ему противостоять. И, кстати, это была головная боль немецкого генералитета, который говорил, что рейхсвер не сможет сдержать удар прежде всего со стороны Польши. Потому что Польша всегда считалась для Германии – имеются в виду 1920-е–1930-е годы – главным противником. Причем, по оценкам европейских аналитиков – они, правда, оказались совершенно некомпетентны...

ГАСПАРЯН: Вообще это удивительно, что во всей истории все время проявляется чья-то некомпетентность.

ЗАЛЕССКИЙ: Полная некомпетентность. Так вот, военные аналитики западных стран были абсолютно убеждены, что самой сильной армией в Европе является французская, а вторая – польская. То есть в этом списке на втором месте Войско Польское.

ГАСПАРЯН: То есть, не германская.

ЗАЛЕССКИЙ: Не германская.

ГАСПАРЯН: Ни советская, ни английская.

ЗАЛЕССКИЙ: И не германская, и не советская, а польская. Это было их мнение.

ГАСПАРЯН: Ну, хорошо, если армия-то была настолько профессиональная, вторая там по силе была.

ЗАЛЕССКИЙ: Вообще-то это была неправильная оценка.

ГАСПАРЯН: Почему же за 17 дней это все закончилось?

ЗАЛЕССКИЙ: Это был явный просчет. У Польши в эти годы катастрофически не хватило средств – прежде всего финансовых – чтобы поднять свою армию в 1939 году на современный уровень. Фактически Войско Польское осталось вот в том самом 1921 году, когда она воевала с Советской Россией. То есть, моторизованные соединения у них были, они честно их развивали, но сил на создание механизированной армии у них просто не хватило. У них были прекрасные кавалерийские части, но условия в новой войне серьезно изменились.

ГАСПАРЯН: Это уже другая была война. Моторизованная, механизированная.

ЗАЛЕССКИЙ: Да. Хотя тоже, знаете, здесь имеет место очередной – правда, небольшой – миф.

ГАСПАРЯН: Почему? Три тысячи пятьсот танков у немцев было.

ЗАЛЕССКИЙ: Три тысячи пятьсот танков. И, по-моему, полтора миллиона лошадей. А вообще-то все пехотные дивизии вермахта в 1941-м году – а тем более в 1939-м – перевозили свои орудия на гужевой тяге, то есть на лошадаках везли. А моторизованные и танковые дивизии – они составляли незначительный процент от общего количества дивизий в германской армии. То есть, на самом деле, везде были лошади.

ГАСПАРЯН: Двигатель войны.

ЗАЛЕССКИЙ: Да. Просто не было кавалерийских дивизий. Их расформировали за ненадобностью. Они действительно были не нужны. А в Польше кавалерийские бригады представляли из себя, условно говоря, замену моторизованным частям. А это уже не годилось. И, кроме того, польское военное командование допустило ряд очень серьезных стратегических ошибок. Его же целью был – опять-таки, как и у нас – переход в наступление.

ГАСПАРЯН: Даешь Варшаву, даешь Берлин.

ЗАЛЕССКИЙ: Ну, а кто, какой военный, собственно, собирается вести оборонительную войну. Он вообще-то собирается с шашкой наголо нестись вперед и на плечах опрокинутого врага входить в захваченные города. Тем более что польская военная концепция, которая хотя и предусматривала переход в наступление, в своей основе не предполагала в одиночку разбить Германию. Польской армии надо было удерживать фронт до вступления в войну Франции. Такова и была суть военной концепции Польши.

ГАСПАРЯН: Тогда получается, что в любом случае это европейская, а значит, мировая война. Если вступает Германия, если вступает Франция, значит, следом вступит Великобритания. Это все мировая война.

ЗАЛЕССКИЙ: Польская военная концепция абсолютно не предусматривала перерастание кампании в мировую войну. Предполагалось, что германская армия наносит удар по Войску Польскому, а то, в свою очередь, отбивает противника и переходит в контрнаступление, либо удерживает рубеж, после этого в тыл германской армии наносится удар объединенной англо-французской армии, которого германская армия на западе не выдерживает. После этого Германия снимает часть сил с польского фронта, Войско Польское получает перевес и переходит в наступление, ну а далее уже Берлин.

ГАСПАРЯН: Все это красиво на словах. Хорошо. А почему не получилось-то? Почему не сработал такой красиво продуманный план?

ЗАЛЕССКИЙ: Так ведь англо-французские войска не перешли же границу. Они же не начали военные действия.

ГАСПАРЯН: А, кстати, поляки предъявляют вот сейчас, в XXI веке, претензии Лондону?

ЗАЛЕССКИЙ: Ну что вы. Формально же англичане войну объявили. Все по-честному: Великобритания и ее доминионы вступили в войну.

ГАСПАРЯН: Но в наступление-то не пошли.

ЗАЛЕССКИЙ: Ну, вот так получилось. Конечно, никто никаких претензий не предъявляет. Хотя ведь на самом деле во многом именно поэтому Польская кампания была проиграна Польшей и соответственно выиграна Германией.

ГАСПАРЯН: И триумфально была выиграна.

ЗАЛЕССКИЙ: Так-то оно так. Но видите ли, какое здесь дело: мы смотрим на данные о потерях и видим, что они в целом не слишком велики, при том, за сколько дней кампания была завершена и какие успехи были достигнуты. И это действительно все потрясает. Но потом мы берем другие, а вот они уже не потрясают.

ГАСПАРЯН: Что за документы?

ЗАЛЕССКИЙ: Это – доклад Генштаба. Он появился после того, как Гитлер, так же как и многие другие, восхитившись потрясающими успехами вермахта, приказал теперь все войска перебросить на Запад – и идти на Париж. После этого Генштаб и представил ему све-

дения, в которых значилось, что за эти две или три недели войны германская армия израсходовала две трети боеприпасов, которые у нее были, что вышло из строя и требует ремонта до 60 % техники. А для этого необходимо время.

ГАСПАРЯН: То есть, вот она, реальная цена победы.

ЗАЛЕССКИЙ: Потери были небольшие. Да и военная техника не погибла – она просто нуждалась в ремонте и ее нужно было чинить. А боеприпасы нужно было запастись заново. А теперь прикиньте: а что было бы, если бы ударили французы? Что оставалось у Германии для ответа? 40 % военной техники и одна треть боеприпасов. То есть, германская армия, несмотря на свою блестящую победу в Польше, оказалась после нее практически безоружной.

ГАСПАРЯН: А вот немцы, когда планировали удар по Польше, они вообще представляли себе возможные вероятные последствия того, что вот кампания закончится, армия останется без оружия, или это тоже неожиданность?

ЗАЛЕССКИЙ: Нет. Вообще-то германский генералитет не был в восторге от начала войны. Как это ни странно может показаться, военные всех стран вообще...

ГАСПАРЯН: Пацифисты в душе.

ЗАЛЕССКИЙ: Можно и так сказать. Это в мирное время служить в армии и престижно, и выгодно. Это хорошо в тиши кабинетов разрабатывать грандиозные планы, организовывать военно-штабные игры, заниматься подготовкой войск. А когда война, тут уже проблемы возникают. В общем, генералы были не в восторге от начала военных действий. А многие так и вообще против. Им приказали разработать план, они и разработали. Причем специалисты-то были хорошие, они и план разработали хороший, который почти все нюансы учитывал. А потом, знаете, а для чего, собственно, нужны боеприпасы? Для того, чтобы их расходовать. То есть, предполагалось, что накопленных перед началом операции боеприпасов с избытком на проведение кампании хватит. При этом в своих расчетах германский генералитет, прежде всего – германский Генштаб, основывался на том, что ширококомасштабных военных действий на Западном фронте не будет. Впрочем, были и генералы, которые считали, что в том же 1939 году на Западном фронте также разгорятся бои, одновременно с нападением на Польшу. Например, тот же Людвиг Бек без конца составлял меморандумы, указывая, что в сложившейся ситуации война невозможна, что ее нельзя начинать, потому что англо-французы немедленно ударят с Запада. И тогда конец.

ГАСПАРЯН: Однако этого не произошло.

ЗАЛЕССКИЙ: Да, не произошло. Удара так и не последовало.

М. Мельтюхов и В. Невежин. Предвоенные планы СССР

*Михаил Мельтюхов. Доктор исторических книг.
Автор книг «Упущенный шанс Сталина»,
«Советско-польские войны»,
«Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.».*
*Владимир Невежин. Доктор исторических наук.
Автор книг «Синдром наступательной войны»,
«Застольные речи Сталина».*

ГАСПАРЯН: В последнее время стала очень популярна точка зрения в ряде государств, что в результате присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и стран Балтии границы СССР стали более доступны для Гитлера. Соответственно обороноспособность страны значительно снизилась. Насколько справедлива сегодня подобная оценка?

НЕВЕЖИН: Прежде всего, тут нужно, наверное, неоднозначно судить. С одной стороны, это правильно, если граница отодвигается и очень мало времени, граница отодвинулась, скажем, в октябре 1939 года, а немцы напали 22 июня 1941 года. Подготовить всю эту протяженную довольно границу к обороне было, конечно, очень сложно.

ГАСПАРЯН: А работы велись вообще?

НЕВЕЖИН: Работы велись и в Прибалтике и на территории Западной Белоруссии. Ну, вот мне недавно довелось побывать в Минске на конференции на одной научной, и организаторы конференции провели экскурсию на так называемую линию Сталина. То есть, недалеко от Минска до сентября 1939 года проходила советско-польская граница. И можно себе представить, ну, буквально там, в полчасе езды, если сейчас, так сказать, по хорошему шоссе ехать, находилась раньше граница. Там реконструированы некоторые укрепленные точки, ДОТы, башни стальные, которые как бы символизировали вот эту старую линию укреплений до сентября 1939 года. Я подумал, если бы немцы, допустим, пришли не к Бресту, а пришли вот на эту границу Сталина, линию Сталина, извините, то через несколько часов они были бы уже в Минске, все-таки, несмотря на, конечно, их приближение очень стремительное, все-таки они в Минске были 29 июня, а не 22 июня.

ГАСПАРЯН: То есть, это мифологема такая преступности.

НЕВЕЖИН: С одной стороны, что не смогли подготовить должным образом. Есть документы. И я их сам публиковал и в архиве с ними знакомился, что, например, огромные средства действительно были вложены в строительство укрепленных районов на новой границе. Вот Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика. Но, а с другой стороны немцы, поскольку у нас отношения между СССР и Германией были улучшены, скажем так, после договора о ненападении 23 августа 1939 года, после договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года, были созданы различные комиссии рабочие, и немцы как бы через свою агентуру наблюдали и фиксировали строительство оборонительных рубежей, то есть, направление огня, особенно это для Прибалтики характерно. Но с другой стороны, поскольку сама граница территориально отодвинулась в 1939 году, то для прохождения к старой границе все-таки немцам понадобилось какое-то время. На этих рубежах ведь не просто мы везде отступали. Были и сражения. Происходили бои очень ожесточенные. Пограничники очень себя проявили героически. Ну и, в конце концов, Брест как показатель вот такого героизма нашего целый месяц, целая дивизия была скована, 45-я пехотная дивизия немецкая стояла там. То есть, этот аспект тоже нужно учитывать.

ГАСПАРЯН: Однако Брестская крепость – это достаточно серьезное оборонительное укрепление, которое не так-то просто взять. Строили ее еще инженеры русской императорской армии. И можно ли говорить о том, что именно Брестская крепость послужила одним из ключевых аспектов присоединения Бреста или все-таки речь идет о геополитических стремлениях Сталина?

НЕВЕЖИН: Дело в том, что когда этот вопрос решался между СССР и Германией в 1939 году, прежде всего, думали, наверное, не о том, что оборонительный аспект расширения границ на Запад – это проблема геополитическая. То есть, была Российская империя. И я так думаю, вот мое мнение, у Сталина в 1939 году созрела идея эту матрицу восстановить. Россию, по крайней мере, взять за какой-то образец Россию границ 1914 года, и восстановить вот эти границы: Прибалтика, часть Западной Белоруссии и Западная Украина, то есть, восстановить вот эту границу. Геополитически заново выйти, так сказать, к Балтийскому морю. То есть, Прибалтику присоединить и так далее. То есть, я думаю, что в 1939 году Сталин думал об оборонительной значимости выхода на новые границы.

ГАСПАРЯН: Но не успел сделать ее, получается?

НЕВЕЖИН: Да. И все-таки преобладал геополитически тогда. Ну, а кто знал, что немцы так быстро нападут. Никто же не знал. Договор был подписан о ненападении на десять лет.

ГАСПАРЯН: Но для Гитлера любой договор с противником, а не надо забывать, что Советский Союз был еще идеологическим противником, в принципе ничего не значил. Мы можем вспомнить с вами хотя бы «мюнхенский сговор». Сколько он продержался? Три месяца. После этого Гитлер его цинично разорвал. Ну, а договор с Польшей. Его постигла в принципе та же судьба. Откуда у Сталина была уверенность, что Германия будет соблюдать договор с Советским Союзом. На чем она основывалась?

НЕВЕЖИН: Ну, тут ведь как вам сказать, уверенность не в том, что именно этого договора будет придерживаться, опять в плане геополитическом. Первая мировая – она показала, что Германии, ей очень сложно было воевать на два фронта, даже имея союзников, там Австрию, Венгрию, Турцию, Болгарию. А поскольку с востока была Россия, а за спиной Германии, с запада, Англия. И вот в сороковом году, когда к власти в Великобритании пришел Уинстон Черчилль, стал премьер-министром, он заявил о том, что не примирится с нацистским господством, то есть, я так думаю, что у Сталина была уверенность, что Гитлер не сможет действовать активно против СССР, но, естественно, был договор о ненападении, но, имея за спиной в тылу Англию, Гитлер не нападет. Вероятно, так рассуждал Сталин.

ГАСПАРЯН: Ну, то есть, он рассчитывал, что Гитлер сначала разберется с Англией. После этого произойдет то, что европейская печать впоследствии назовет столкновением миров.

НЕВЕЖИН: Может быть. Ведь не исключался вариант, что не военным путем между Англией и Германией будет достигнут какой-то консенсус, а, может быть, они договорятся и мирным путем. Это тоже предусматривалось. И полет Гесса в мае 1941 года в Англию – это таинственное событие, которое сейчас интерпретируется в различных точках зрения. Но пока не все материалы британских архивов рассекречены.

ГАСПАРЯН: До 2045 года, по-моему.

НЕВЕЖИН: Рассматривался, да, полет Гесса как один из вариантов мирного соглашения, достижения мирного соглашения между Великобританией и Германией. И тогда, так сказать, создавалась опасность, конечно, двойная для СССР. Вот это, наверное, как бы не то, что успокаивало Сталина, я не думаю, что успокаивало. Он одновременно, так сказать, наращивал мощь Красной армии. Формировались, особенно вот с начала 1941 года активно новые воинские подразделения. Ну, понятно, что после подписания договора с Японией в апреле 1941 года началась переброска частей на Запад. То есть, здесь и политический аспект

очень важен, геополитический аспект советско-германских отношений, советско-британских и германо-английских отношений, но и военный аспект, конечно, нужно иметь в виду.

ГАСПАРЯН: Я бы хотел побеседовать о таком аспекте, как пропаганда. Ведь недаром говорят, что войну выигрывает не только винтовка, но и еще перо. В последнее время очень много говорят о том, что Сталин был настолько наивным человеком, что вся пропаганда Советского Союза, начиная с 1939 года, диаметрально поменялась. Раньше, дескать, все было понятно: гитлеровская Германия – враг номер один. Потом в 1939 году был подписан пакт Молотова – Риббентропа, и вдруг стал меняться вектор пропаганды. Можем ли мы с вами сегодня здесь проследить момент, когда был окончательно перейден этот рубеж и перестали педалировать тему дружбы с Германией?

НЕВЕЖИН: Очень сложно на этот вопрос... Мне довелось много на эту тему писать и докторскую диссертацию защищать на эту тему – «Идеологическая подготовка к войне и состояние советской пропаганды во второй половине 1930-х годов и начале 1940-х годов». Значит, естественно, когда был подписан пакт о ненападении с Германией, особенно когда был подписан договор о дружбе и границе и опубликован в центральных советских газетах с такой формулировкой, официальная пропаганда должна была показать, в первую очередь Германии, германскому нацистскому руководству, что прекращена антинацистская – у нас она называлась антифашистская – составляющая пропаганды как бы ушла на второй план. Но если посмотреть документы, то есть для широкой публики, для общественного мнения давались материалы такие, что мы... И Молотов на эту тему очень ясно выразился 31 августа 1939 года, выступая на Сессии Верховного Совета, когда было принято решение о ратификации договора о ненападении, что можно, как говорится, принимать, не принимать идеологию какую-то, но мы должны (я пересказываю своими словами) это принимать как должное, что вот есть нацистская идеология, и бороться против нее якобы бесцельно, бесполезно. И она должна иметь право на существование. Это как бы для публики, для тех, кто повседневно читает газеты, кто смотрит фильмы. В частности, были сняты с проката не только антифашистские фильмы, но и такие фильмы антигерманского, скажем, направления, как «Александр Невский». То есть на всякий случай сняли с проката. И все спектакли, пьесы и так далее.

ГАСПАРЯН: А для чего это нужно было делать-то? Ведь если продемонстрировать Гитлеру миролюбие, но, собственно, он ведь об этом никогда и не просил. Да и в Германии, если мы посмотрим, все осталось как прежде.

НЕВЕЖИН: Здесь, может быть, мы, то есть советская сторона, отчасти «прогнулись».

ГАСПАРЯН: То есть за политикой партии произошли и значительные изменения в сознании общества?

МЕЛЬТЮХОВ: Да, конечно, были какие-то политизированные круги, которые прямо вот вместе с этой генеральной линией партии, так сказать, колебались. А в массе своей, я думаю, общество очень спокойно к этому относилось. Собственно, всем было очевидно, что пока нет войны – ну, и слава богу, пусть эти фашисты там что-то делают, это их проблемы. Но для людей военных, для тех, кто служил в воинских частях, для тех, кто был призван в армию с целью защищать свои рубежи, была оставлена вот эта антигерманская, по крайней мере, составляющая. То есть составлялись директивные материалы, как вести пропаганду, кто наши военные противники для воинских частей, для личного состава Красной армии, Военно-морского флота. Вот эта антигерманская, антифашистская составляющая осталась. И если знакомиться с письмами, которые писали, например, в редакции газет, журналов, то там тоже, в общем-то, люди, читая «Правду», где рассказывалось о том, что Советский Союз, например, участвует в Лейпцигской ярмарке или какие-то книги советские изданы, ну, не советские, а, скорее, русских писателей, таких как Толстой, Чехов, их очень активно всегда

издавали и в нацистской Германии, и у нас, какие-то мероприятия проводились по линии общества культурной связи, но люди понимали, что это временно.

ГАСПАРЯН: То есть просто читали.

НЕВЕЖИН: Эта уступка временная. Они, обращаясь в редакции газет, иногда с возмущением, иногда со знаком вопроса, но задавали себе вопрос такой, что будет ли война, немцы являются ли нашими, фашисты являются ли нашими врагами? И давали на него утвердительный ответ. Но такие, скажем, стремления подавлялись, ну, не то чтобы подавлялись, они откладывались. Людям советовали в современной новой политической обстановке этот вопрос не поднимать. Особенно это касается действий наших органов цензуры. Ведь цензурировались различные произведения, не опубликованные еще.

ГАСПАРЯН: Собственно говоря, и опубликованные тоже. К примеру, «Голубая чашка» Аркадия Гайдара. Если мне не изменяет память, эта повесть трижды проходила цензурную проверку.

МЕЛЬТЮХОВ: Интересно, даже те, которые не опубликованы – пьесы, рассказы, стихи антифашистского, антигерманского плана, они так называемыми «политическими редакторами», был такой у нас орган – Главный репертуарный комитет, если это пьеса какая-нибудь или скетч, частушка и так далее, они запрещались. Ну, а другие органы, такие как Главлит – он, естественно, осуществлял контроль за произведениями литературы. Деятельность Главлита была направлена на то, чтобы вот эту антифашистскую, антигерманскую направленность как-то до времени, так сказать, микшировать. Но к самой войне, к Великой Отечественной войне, к 22 июня 1941 года, что мы имеем из арсенала пропагандистских директив, различного рода документов? Они были введены в оборот вашим покорным слугой, Михаилом Ивановичем Мельтюховым.

НЕВЕЖИН: Если мы берем с вами весну 1941 года, то, скажем, в том же Управлении пропаганды и агитации ЦК идет выработка именно антигерманских, антинацистских, так сказать, директив, которые должны будут опять же использоваться, если дело дойдет до войны. И в каком-то смысле вот этот процесс идет параллельно. С одной стороны, у нас военная подготовка, так сказать, к будущей войне, и, с другой стороны, это как раз идеологическая подготовка. Причем, постепенно эти идеи начинают вбрасываться в пропаганду, потихонечку она начинает как бы оживать. Вот если мы берем, скажем, май, особенно конец мая и начало июня 1941 года. Это четко можно отследить на сохранившихся материалах. Да, пока это все очень и очень аккуратно. Но, конечно, никаких рассказов о дружбе или о чем-то таком, там уже рядом нет.

ГАСПАРЯН: То есть мы имеем такое интересное явление, как перестройка пропаганды?

НЕВЕЖИН: Как я себе это мыслю, она началась, эта политико-идеологическая кампания мощная, в мае 1941 года. Сталин 5 мая 1941 года выступил перед выпускниками военных академий в Кремле, выступил с 40-минутной речью. И из этой речи следовало, что основной противник – Германия, что мы готовимся, что у нас мощная армия. А после официальной части был прием, банкет, где Сталин произнес несколько реплик. И он, в частности, одну из реплик сформулировал так, что современная армия – армия наступательная, Красная армия – современная армия, поэтому она является наступательной армией, и нужно всю пропаганду, всю агитацию перестроить, исходя из этого тезиса. Ну и, соответственно, начали после этого готовиться материалы пропагандистские, и они теперь в архиве отложились, и их можно, так сказать, не только в архиве, но они уже опубликованы. Вот что именно, так сказать, из сталинских указаний было зафиксировано, что своего привнесли, очень много ленинских цитат...

ГАСПАРЯН: Традиционно, на самом деле.

МЕЛЬТЮХОВ: Традиционно. Первые ведь издания ленинских произведений были еще до войны, и некоторые его высказывания, Ленина, в Полное собрание сочинений не вошли, в смысле, как мы его называем. В частности, замечания по поводу книги Клаузевица. Он написал на полях, что вот есть идея на чужой земле защищать свою землю. Вот эта ленинская цитата вошла в различные директивы, которые подготовлены ГлавПУРОм, управлением пропаганды и агитации ЦК. Вы понимаете, какая идея заключалась.

ГАСПАРЯН: То есть лучшая оборона – это наступление, если его совсем упрощенно?

МЕЛЬТЮХОВ: Да. Но дело в том, что пропаганда – она как бы опережает умы. В умах всегда... Несмотря на то, что мы называем сталинский режим, советский режим 1930-х–1940-х годов тоталитарным, но все-таки вот эта идеология как бы выдавала иногда желаемое за действительное, иногда опережала реальные факты, а реальные факты говорят о том, что мы в 1941 году оказались в очень тяжелом положении, без союзников, на нас обрушилась мощная военная машина, и нам пришлось забыть об этих идеях наступательной войны.

ГАСПАРЯН: Вот мы и подошли к тому самому долгому дню в году. Сегодня, когда речь заходит про этот самый трагический в истории страны период, всплывает целый ряд новых мифов и, соответственно, тут же исторических передергиваний. Прежде всего, это бесконечная спекуляция на тему, к чему, на самом деле, готовился Сталин. К версии про превентивный удар все, в общем, привыкли. Поэтому сегодня я хотел бы затронуть другую версию. Германия вместе с Советским Союзом собиралась уничтожить Британию. В этом случае цитируются письма солдат вермахта, какие-то документы. Эти построения имеют вообще какое-то историческое обоснование или это все из серии информационного агентства «одна гражданка сообщила», которое нынче возведено в документальную ценность в ряде восточноевропейских государств?

МЕЛЬТЮХОВ: Версия о том, что могла, так сказать, Германия совместно с СССР нанести удар Англии, насколько я понимаю, вы имеете в виду книгу Осокина «Великая тайна Великой Отечественной».

ГАСПАРЯН: В частности.

МЕЛЬТЮХОВ: Насколько я знаю, это инженер, интересующийся различными историческими сюжетами. И вот он предложил свой взгляд на эти проблемы. Причем, в его книге, к сожалению, никаких доказательств в пользу этой версии нет, но зато обильно используются такие обороты, как «возможно», «вероятно», «наверное» и так далее. То есть книжка написана очень аккуратно. Нельзя, что называется, формально человека как-то вот..., с ним конкретно дискутировать. Он всегда может сослаться на то, что это его точка зрения. К сожалению, может быть, или к счастью, не знаю, какой-то аргументации здесь просто нет.

НЕВЕЖИН: Просто он, действительно, подобрал различные известные факты. Книга большая, она вышла года три назад. Цитаты нам известные, высказывания, события изложил как бы известные, но в свою как бы концепцию он ее попытался впихнуть или втиснуть. Но на этот счет, скажем, самые сомнительные интерпретации Осокина – это то, что Сталин в ноябре 1940 года вместе с Молотовым ездил в Берлин, ехал он другой дорогой, не той, которой ехал Молотов. Но это, в общем-то, понятно, что это совершенная легенда.

ГАСПАРЯН: Понятно. Версия Осокина, конечно, интересна. Но давайте честно признаемся, не особо она популярна. Вот чего, кстати, нельзя сказать, про книги бывшего советского разведчика Владимира Резуна, который пишет под псевдонимом Виктор Суворов.

НЕВЕЖИН: Ну, здесь, вы понимаете, нужно смотреть с какой точки зрения? Что в последнее время, я не знаю, как к этому относиться, я никак не могу это квалифицировать, но это факт, это тенденция, сняты всякие препоны в области цензуры. Коммерческий интерес издателей часто преобладает, и публикуются книги, которые эпатажируют публику для того, чтобы получить прибыль, ну, естественно, автору получить гонорар.

ГАСПАРЯН: То есть эта теория под собой вообще ничего не несет? Это просто такое, как телевизионное шоу, получается?

НЕВЕЖИН: Ну, телевизионное, для Интернета, чтобы на форумах была полемика и так далее. Но дело в том, что недавно мне довелось выступать и дискутировать по поводу книг Суворова (Резуна), который живет в Англии. Известны его книги «Ледокол», «День М», «Беру свои слова обратно», «Последняя республика». Идея Суворова, наверное, известна всем, что Сталин готовился напасть на Гитлера, и решение принял еще 19 августа 1939 года. И все под это, так сказать, подверстывается. Мне сказали в дискуссии, что, понимаете, огромный интерес, человек много вложил в свои книги, он убеждает публику. А я отстаиваю точку зрения, что здесь интерес... Не надо людей оболванивать, нашу читающую публику. Почему не проходило никаких обсуждений этих книг публично, чтобы высказывались читатели, какие-то опросы.

ГАСПАРЯН: А вот тут я с вами, пожалуй, не соглашусь. В Интернете споры идут не то что ежедневно, а буквально ежечасно. У меня у самого был богатый опыт ведения таких полемик. Я не могу сказать, что это сопоставимо, в принципе, по интеллектуальному потенциалу с беседой Станиславского с Немировичем-Данченко. Но соглашусь, действительно выглядит захватывающе.

НЕВЕЖИН: Интернет, но он все-таки не является показателем отношения или интереса, так сказать, читающей публики. Мое убеждение, по крайней мере сейчас, ну, хорошо, мы согласимся, и то с большими оговорками, что в 1990-е годы, может быть, Суворов (Резун) умы читателей российских постсоветских занимал, но сейчас все держится на коммерческом интересе. Сейчас он опять, так сказать, дал импульс, заявил о себе, издаются сборники статей «Правда Виктора Суворова», «Неправда Виктора Суворова», и начинается соревнование, уже по несколько сборников. И просто коммерческий интерес подогревается, мне так кажется. Потому что его последняя книга «Беру свои слова обратно» очень слабая. Но человек, объективно надо рассуждать, он в Англии находится, все, что он мог написать, уже написал, он не имеет доступа сейчас к архивному материалу и раньше не имел, вопреки его заявлениям. Ну, что он может сейчас сказать? Он сейчас может дискутировать с советской историографией каких-то 1960-х–1970-х годов.

ГАСПАРЯН: Но давайте мы с вами все-таки не будем забывать, что теория Виктора Суворова сегодня до сих пор весьма популярна. Доходит уже до того, что некоторые учителя в восточноевропейских странах постепенно начинают на основе все того же знаменитого «Ледокола» выстраивать курс истории XX столетия.

МЕЛЬТЮХОВ: Очень серьезная проблема, конечно, – это то, как подаются события войны, предвоенного периода в учебной литературе, в средствах массовой информации. Это очень проблема серьезная. Проблема учебников, она всегда, так сказать, занимает нашу голову. Учебников много, авторов много. Я не говорю, что должен быть один учебник по отечественной истории и учебник, в котором бы отражена была Великая Отечественная война. И поэтому в головах школьников, студентов складывается не всегда, так сказать, однозначная картина истории Великой Отечественной войны.

ГАСПАРЯН: Всякий раз, когда мы с вами говорим о 22 июня, буквально первое, что сегодня вспоминает аудитория – это паника Сталина. Хотя, конечно, в последнее время появились опровержения, что никакой паники и не было. И работал Сталин чуть ли не по двадцать часов в сутки. Но все-таки что было на самом деле? Испугался ли великий вождь Советского Союза или он действительно работал как проклятый все эти дни?

МЕЛЬТЮХОВ: Насчет паники я бы не стал говорить, но растерянность-то определенная была. Это понятно. Есть журналы, тетради посетителей Кремлевского кабинета Сталина, были специальные люди, которые фиксировали всех, кто входил в Кремлевский кабинет Сталина, кто покидал, по времени это все и фамилии все зафиксированы. Можно

посмотреть. За первую неделю после 22 июня, конечно, он достаточно много занимался. Ну и там по должностям тех людей, кто в него входил, кто выходил, кто группами входил, можно это все увидеть. Но, если судить по воспоминаниям Микояна, которые, ну мягко говоря, тенденциозны, Анастаса Ивановича Микояна, члена Политбюро ЦК ВКП(б), то растерянность определенная появилась вот после падения Минска вот спустя неделю.

ГАСПАРЯН: То есть, не 22 июня, а 29.

НЕВЕЖИН: Это видно даже по журналам посетителей. Он удалился на свою дачу ближайшую, в Кунцево, и ему как бы было предложено создать чрезвычайный орган. То есть, не он предложил, а ему предложили члены Политбюро создать Государственный Комитет обороны, взять на себя всю ответственность. Растерянность, я повторяю, я так думаю, Сталина зафиксирована в том, что он не выступил перед народом. В первый день войны выступил Молотов.

ГАСПАРЯН: Ну, а почему все-таки к стране обратился не Сталин, а Молотов? Все-таки Вячеслава Михайловича нельзя было сравнивать по авторитету с великим.

МЕЛЬТЮХОВ: Да, безусловно, конечно, авторитет этих людей был различен. Но, с другой стороны, а что, собственно, мог сказать Сталин 22 июня населению? Просто констатировать факт нападения Германии.

ГАСПАРЯН: Он на самом деле мог бы сказать ровно все то же самое, что он сказал 3 июля.

МЕЛЬТЮХОВ: Нет.

ГАСПАРЯН: Почему?

МЕЛЬТЮХОВ: Потому что, простите, 3 июля у вас совершенно другая ситуация. Уже был определенный опыт войны. Уже было понятно, что происходит так или иначе, да. И нужно было как раз вот обратиться к тем чувствам, которые здесь как раз лучше всего будит у вас именно Сталин, да, как человек, обращающийся к этим чувствам. Молотов просто констатирует факт. И ничего больше.

НЕВЕЖИН: Причем, это все было полной импровизацией. Наверняка не было никакой речи. Ну, никто же не знал, что немцы нападут именно 22 июня. Уже в 12 часов Молотов поехал в Радиокomitee. Причем, там не были готовы. Есть воспоминания о том, что люди не знали, была полная паника. Не могли найти специалистов. То есть, ну технический персонал, все очень были перепуганы. И сама эта речь Молотова – она довольно-таки такая скомканная.

МЕЛЬТЮХОВ: Просто констатация фактов, что ужасная Германия напала, да, сплотимся вокруг родного правительства, родной партии. Ура, к победе! И все. Все. Ничего больше. С другой стороны, Молотов ведь, между прочим, оставался Наркомом иностранных дел. И с этой точки зрения как раз, в общем-то, это по его епархии, да, вся эта ситуация. Поэтому, мне кажется, проблема здесь не в каких-то расстроенных чувствах Сталина или кого-то еще, а проблема просто в том, что вот в тот момент, да, Молотов выступает в районе 12 часов, 12 с небольшим было по Москве, и в этот момент на самом деле вряд ли кто-то в советском руководстве реально понимал, а чего там на границе-то происходит. Да, идут бои. Да, немцы заявили о том, что они в состоянии войны с нами. Ну и что? А что происходит? Ведь никто не знает, что произойдет. А вдруг все будет хорошо, да. По нашим ведь расчетам Красная армия явно совершенно превосходит эту немецкую группировку. Может быть, через день-два там все устаканится. Мы поймем, что происходит. И тогда уже, пожалуйста, можно будет выступить. Понимаете, это для нас с вами так вот привычно, что началась война, трагедия, поражения, и так далее, и так далее. Для людей того времени это было совершенно не очевидно. Причем, я хотел бы подчеркнуть, это было не очевидно не только здесь, в Москве, но и вообще во всем мире. Никто не знал, чего произойдет. Это, кстати, не помешало тому же Черчиллю, да, выступить тоже 22 июня и заявить о том, что Англия готова оказать помощь

СССР, так сказать, и так далее, и так далее. Да, это не помешало тем же американцам занять примерно такую же позицию. Ну, пусть они более аккуратно сформулировали эту идею. Ну, собственно, то же самое было. Никто ничего не знал, понимаете, вот. Это вот нам сейчас более-менее это очевидно. Потому что мы, опять же, можем в книжке это прочитать.

ГАСПАРЯН: Тогда в Западной Европе не сомневались в скорой победе Германии.

МЕЛЬТЮХОВ: Конечно. Сама Германия, прежде всего, не сомневалась в скорой победе.

ГАСПАРЯН: И в этой связи молчание Сталина многие до сих пор расценивают как некую капитуляцию.

МЕЛЬТЮХОВ: Можно расценивать его как угодно. Я просто, честно говоря, очень сомневаюсь, что вот Сталин думал как раз о слушателях в Западной Европе. Вот вряд ли это его так беспокоило на самом деле. А потом, опять же, я все равно не очень понимаю, а что вы хотели бы от него услышать? Ведь посмотрите, 3 июля, когда Сталин выступает, он фактически пересказывает так называемую директиву ЦК партии, да, местным партийным организациям от 29 июня. Там в каком-то смысле сформулирована программа, да, вот тех мер, которые должны быть предприняты вот именно в условиях того, что враг продвигается вглубь страны. Мы никак его, собственно, остановить не можем, по большому счету. И опять же, я повторюсь, вот здесь есть о чем говорить с народом, если хотите, да, с обществом, как хотите это назовите, есть что ему сказать, да, хотя бы и горькую эту правду, да, пусть она, так сказать, конечно, тоже была в определенном смысле приукрашена, ну это вполне естественно, но в момент самого нападения, по большому счету, кроме констатации и фактов, сказать было нечего. Ну, выступил бы Сталин, ну ничего, собственно, не изменилось.

ГАСПАРЯН: Михаил Иванович, но к народу должен был обратиться все-таки вождь. Ведь если мы посмотрим, то в Германии 22 июня к народу обратился Гитлер, в том числе.

МЕЛЬТЮХОВ: В данном случае, все-таки Германия, ведь немножко там другая ситуация чисто культурная. Там Гитлер не мог не выступить. Он же у нас еще ко всему прочему главнокомандующий Вооруженными силами, понимаете. То есть, на нем завязаны все вот эти должности высшие фактически, плюс он еще и вождь ко всему прочему.

ГАСПАРЯН: А ваше мнение, Владимир Александрович, почему Сталин не выступил 22 июня?

НЕВЕЖИН: Понимаете, если бы он готовился к такому исходу событий, то наверняка была бы, конечно, возможность выступить. Дело в том, что не все материалы, не все документы, связанные, собственно, с началом войны, еще введены в научные обороты. Это говорит историк, которому всегда мало.

МЕЛЬТЮХОВ: Значительная часть документов предвоенного советского периода просто-напросто пока еще не рассекречена. Причем это касается, прежде всего, чисто военных документов. Наш Генеральный штаб, как, впрочем, наверное, и любые военные структуры в любой стране, конечно, неохотно, да, многие вещи рассекречивает.

ГАСПАРЯН: И все-таки вернемся к растерянности Сталина. В последнее время опять-таки стало очень популярным утверждение, что главным результатом той самой растерянности Сталина стал расстрел вот Дмитрия Григорьевича Павлова, командующего Западным фронтом, которого сделали, если выразаться грубым современным языком, крайним за катастрофу 22 июня. Насколько правомерно сегодня утверждать, что это именно он, Дмитрий Григорьевич Павлов, несет главную ответственность за крах вообще всего того, что произошло на нашей западной границе в июне 1941 года.

НЕВЕЖИН: Видите ли, дело Павлова уже давно, так сказать, введено в оборот, по крайней мере, еще в 1990-е годы был опубликован такой документ, как материалы допроса Павлова. И там, в этих материалах, можно наглядно убедиться в том, что человек, как бы вам сказать, он был скован в своей инициативе, потому что он должен был действовать по ука-

занию наркома обороны Тимошенко. И, судя по всему, мы не можем, конечно, на Павлова на одного свалить всю вину за крах Западного фронта. Но недавно опубликован российско-белорусский сборник документов. Там явно, в этом сборнике, не хватает документов 1941 года. Я делал лицензию на этот сборник, и сам для себя так и не уяснил, есть ли вина Павлова непосредственно? Потому что материалы отсутствуют за май, начало июня 1941 года. Ну, нет этих материалов. Может быть, они в Центральном архиве Министерства обороны. Ну, конечно, дело Павлова, вы правильно сказали, здесь можно образно выразиться, что наши стрелочника, но это ситуацию не спасло. Расстрел Павлова уже ситуацию не спас. Фронт обрушился. Причем, один из самых мощных участков нашего пограничья.

ГАСПАРЯН: Как же все-таки получилась эта невиданная катастрофа в истории всей Русской армии? И вроде вы сами только что говорили об этом, да, что к войне готовились не только военные, готовилась и пропаганда. Все знали о том, что вот-вот начнется война. И вдруг наступает 22 июня, и сразу такая драма.

НЕВЕЖИН: Вопрос очень сложный, конечно. Здесь несколько моментов. Давайте начнем с нашего противника. Германия, вермахт имел уже опыт боев. Причем, нужно отдавать себе отчет, что на начало Второй мировой войны, ну как мы его считаем, 1 сентября 1939 года, у Германии были очень активные противники. У нее не было союзников в 1939 году, но у нее были сильные противники – Польша с ее 60 дивизиями, Франция, которая защищена линией Мажино, и там предполье обеспечено нейтральными государствами – Бельгия, Голландия, Англия с ее мощным флотом, конечно, с авиацией. И вот в сравнительно короткое время, с 1 сентября 1939 года до июня 1940 года, последовательно и Польша, и Франция пали.

ГАСПАРЯН: Так ведь и у Красной армии тоже был военный опыт.

НЕВЕЖИН: Наша Красная армия имела опыт, как ни парадоксально, более такой боевой, действия на Дальнем Востоке. Там мы победили, скажем, японцев на Халхин-Голе, тем самым, обеспечили себе, по крайней мере, на какое-то время спокойствие на востоке.

ГАСПАРЯН: А советско-финская война?

НЕВЕЖИН: Советско-финская война, ну вы понимаете, там нельзя сказать, что мы какой-то такой опыт приобрели, подобный тому, как приобрели в Польше немцы. Это действия механизированных частей. Это танковые, так сказать, соединения. Все-таки в Финляндии более позиционная война, там всего-то 105 дней была война. Первые эти месяцы самые чудовищные, и маневренная война. Это, по существу, борьба против природных условий и климатических.

ГАСПАРЯН: И все же в ретроспективе кажется, что опыт-то Красная армия был более важен. Ведь воевали потом в зимних условиях. И это очень сказалось в декабре 1941 года. Да и неприступную линию Маннергейма мы взяли.

НЕВЕЖИН: Действительно, в феврале 1940 года было проделано взятие линии Маннергейма с помощью артиллерии, с помощью огнеметов, с помощью танков, авиации и так далее. Но, понимаете, была линия Мажино у французов. Немцы показали, что даже такая укрепленная линия, она не является препятствием.

ГАСПАРЯН: Не так давно я беседовал с доктором исторических наук Валентином Фалиным, который заметил, что немцы вообще не брали линию Мажино. Они просто обошли ее.

НЕВЕЖИН: Была версия, что они обошли линию. Но на самом деле они, так сказать, все-таки преодолевали эту линию у французов. То есть, сама эта укрепленная линия, какая бы она ни была мощная, она не дает гарантии безопасности. Вот у немцев, вы поймите, опыт ведения боевых действий в разных климатических условиях, в разных ситуациях, и в горах, как против Югославии, там, Греции, и на равнинах против Франции, Польши. Наша Красная армия, да, совершала так называемые освободительные походы, и советско-финлянд-

ская война. Ну, о советско-финской войне мы коротко сказали. Освободительные походы. В 1939 году было создано два фронта – Крымский и Белорусский, поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. То есть, огромная масса войск, часто заторы и проблемы с транспортом. То есть, заторы, неуправляемость, огромная такая масса войск, она только массовая, и у нас так и получилось в 1941 году. Удары очень точные, и в уязвимых местах немецкие удары вызывали часто панику.

ГАСПАРЯН: Паника еще из-за отсутствия опыта. Никто не знал, что делать.

НЕВЕЖИН: И не было действительно таких четких указаний, начиная от командующих округами и кончая командирами корпусов, дивизий. Может быть, даже большую инициативу проявляли низовые командиры. Этот вопрос тоже очень сложный. Однозначно судить нельзя. Потому что некоторые факты говорят о том, большие массы войск, такие как Юго-Западный фронт, Западный фронт, ситуация трагическая, но оборона Брестской крепости, оборона некоторых укрепленных районов, просто точечная оборона в каком-то ДОТе.

ГАСПАРЯН: Даже Гальдер, начальник Генштаба Германии, об этом писал, что русские упорно сопротивляются. Владимир Александрович, а можно сказать, что Брест, Брестская крепость спасла часть армии своей обороной?

НЕВЕЖИН: Я бы более критически отнесся к этому вопросу. Там ведь получилось, что не специальный гарнизон оборонял это. При нападении немцев там было большое количество личного состава сосредоточено. Немцы просто организовали артиллерийский и авиационный налет. Огромное количество людей погибло. То есть, там остатки различных частей оборонялись.

ГАСПАРЯН: Но ведь все равно оборонялись.

НЕВЕЖИН: Оборонялись. Значит, но, и был еще Перемышль, и было еще танковое сражение мощное в районе Львов – Броды. Там масса танков такая, что не сравнится с Курской битвой по количеству. Но тут вопрос другой, что не было четкого приказа и танки маневрировали советские и исчерпывали моторесурс. Но одни танки без поддержки авиации, которая потеряла очень много в первые дни войны советская, это тоже ведь не действенный метод. И в конце концов, а кто не находился в такой ситуации из европейских держав, с которыми немцы воевали до июня 1941 года, и Франция оказалась в такой же ситуации, и Польша.

ГАСПАРЯН: И Франция.

НЕВЕЖИН: Франция, с огромной армией, которая имела союзника Англию. В сороковом году потеря территории, потеря армии, ну как пленных, у нас проблема пленных тоже острая.

ГАСПАРЯН: Хорошо, что вы затронули проблему пленных. В последнее время об этом особенно много говорят на той же самой Украине. Вообще стала популярна такая точка зрения, что советские люди в принципе не хотели воевать за Сталина, за колхозы. За коммунистическое общество, что при первой же возможности предпочли просто сдаться в плен, чтобы потом Гитлер дал оружие, и можно было бы сражаться с большевиками.

НЕВЕЖИН: Дело в том, что смотреть если демографическую ситуацию (перепись 1939 года), советское общество по своему составу – это молодое общество, то есть имеется в виду: возрастные категории молодежи преобладали. Тут вопрос состоит в том, что в армии люди служат с 18, с 19 лет. Введена всеобщая воинская обязанность в 1939 году. Люди 18–20, 25 лет. Вопрос состоит в том: когда они успели возненавидеть советскую власть? Например, в 1939 году тебе 18 лет: ты родился при советской власти.

ГАСПАРЯН: Значит, в 1921 году.

НЕВЕЖИН: Да, это может быть отчасти верно для Западной Украины, для Западной Белоруссии, где действительно производились и депортации, и аресты, и реквизиции. Там, конечно, семьи настроены антисоветски, понятно почему, или в Прибалтике.

МЕЛЬТЮХОВ: Кстати, между прочим, лишние вопросы о трагичности этой войны. Да, частично она, конечно, скрывала в себе то, что условно можно назвать гражданской войной. Как бы два. Попытки сведения каких-то счетов, вне зависимости, что это были политические, просто соседские, этнические, какие угодно – там много всего было. Кстати, вы, наверное, помните, что немцы специально разжигали этническую ненависть между разными народами Советского Союза?!

ГАСПАРЯН: До этого было в Югославии опробовано.

МЕЛЬТЮХОВ: Конечно. Это же самый выгодный момент: стравить тут всех и сверху сидеть, править, очень удобно. И как раз на удивление оказалось, что советское общество слабо поддается таким вот вещам. Видимо, для тогдашней советской культуры эти все вопросы были не очень актуальны. И насколько мы можем судить, в большей степени вот на эту немецкую пропаганду поддавались те как раз регионы Советского Союза, которые до этого, так сказать, были недавно независимыми, там у них была своя традиция национализма, которая как раз была...

НЕВЕЖИН: Там страны Балтии и Западной Украины.

МЕЛЬТЮХОВ: Да, прежде всего Балтийские государства, это, безусловно, и западные районы Украины. Но опять же, как сказать, как, видимо, показывает практика, городской житель, наверное, больше подвержен вот таким вот лозунгам, чем сельский: там немножко другая жизнь, другие отношения между людьми. И в этом смысле, как это ни парадоксально, вот та самая, ну если хотите, отсталость советского общества в плане урбанизации, как это у нас теперь принято говорить, она, как ни странно, была положительным фактором вот в тех условиях конкретно. У немцев не нашлось тех лозунгов, которые бы привлекли на свою сторону значительную часть советского населения на оккупированных территориях.

ГАСПАРЯН: Так немцы, по-моему, вообще не собирались никого привлекать на свою сторону?

МЕЛЬТЮХОВ: Нет, конечно. Да, если брать 1941 год, этого вопроса для них не стояло. Я имею в виду уже как бы в дальнейшем. Ведь, собственно, три года война идет на территории Советского Союза, понятно, что немецкое руководство как-то пыталось эту ситуацию использовать. В конце концов, вы же сами сказали, что формируются различные вспомогательные части из разных народов Советского Союза, и опять же мы с вами видим, что есть те группы, которые более охотно идут на сотрудничество, а есть те, которые очень к этому не расположены. Да, конечно, отдельные люди везде есть, тут уж вряд ли мы с вами можем кого-то выделить, но, скажем, массового перехода тех же, например, русских или белорусов, да и тех же украинцев, между прочим. Чем дальше на восток – тем меньше немецкая пропаганда вызывала отклик у того же украинского населения. И, например, в отличие от этого те же крымские татары, которые, сводя свои собственные местные счета с соседями, естественно были вынуждены обратиться в каком-то смысле в союзников Германии и так далее, и так далее. То есть здесь, к сожалению, опять же очень сложная проблема, и вместо того, чтобы ее излишне мифологизировать и политизировать, ее неплохо бы, кстати, изучать, хотя я прекрасно понимаю, что это очень болезненная проблема, особенно сейчас.

ГАСПАРЯН: А вот почему эту проблему никто не изучает в контексте 22 июня? Вот просто вырывается это. И разговоры начинаются, к примеру, с 1942 года, когда началась Народная война, Великая Отечественная, да ее по-разному теперь называют. Но вот именно в контексте 22 июня этой проблемы ведь нет.

МЕЛЬТЮХОВ: Вы знаете, наверное, все-таки здесь сложность в том, что само по себе начало войны, оно просто создает условия для того, чтобы проявились какие-то внутренние, присущие советскому обществу проблемы. И пока не создались условия для того, чтобы они проявились, они не проявляются. Совершенно очевидно, ну, скажем, условно говоря, 28 июня 1941 года немцы занимают Минск: к концу месяца занята большая часть Белорус-

сии, и понятно, что пока, вот в этот момент ни местному населению не очень очевидно, что, собственно говоря, произошло, ни пришедшим оккупационным властям не очень понятно: а чего делать-то тут надо? Да. Понятно, что нужно было, чтобы все было тихо, спокойно, никто никуда не лез, не стреляли в немцев, сдавали все, что надо, и так далее, и так далее. А потом-то что? А пока ничего еще, никому еще ничего не понятно. Ведь пока еще все верят в то, что еще немножко – и Красная армия будет разбита, все, вопросов нет. Собственно говоря, только с августа месяца мы видим, что постепенно в германском руководстве начинаются сомнения в том, что этот поход закончится в этом году. Геббельс начинает потихонечку изменять германскую пропаганду в том плане, что война может продолжиться в следующем году. Но, конечно, победоносно завершится, но только не в 1941-м, видите, ведь там тоже пришли не сразу к тому, что нужно как-то это использовать. Поэтому совершенно очевидно, что именно весна 1942 года, когда уже фронт более-менее стабилизировался, было понятно, какие территории Германия контролирует, мы здесь уже можем с вами увидеть какую-то целенаправленную политику Третьего рейха, что конкретно они хотят, и использовать экономические какие-то возможности, население куда-то припахать там что-то делать. Ну деваться некуда. Как еще изучать это? Хотя, конечно, вы тоже вряд ли так уж... однозначно можно сказать, что по 1941 году ничего нет. В конце концов, пропаганда же тоже велась: были освобождения из того же плена военнопленных именно по национальному признаку, скажем, там прибалтов отпускали, украинцев отпускали и так далее, и так далее. Другой вопрос, что в самом германском руководстве нет какого-то единства по этой проблеме.

ГАСПАРЯН: Ну Гитлер ведь вообще очень негативно относился к побрякам для варваров с востока.

МЕЛЬТЮХОВ: Ему пытались объяснить, что, может быть, стоит как-то использовать момент, но у него лично совершенно было такое неприятие, для него все эти, условно говоря, русские – они все варвары, и чего с ними разговаривать? – Их надо просто палкой по башке – и все хорошо.

НЕВЕЖИН: Тут вопрос сложный, потому что Украина и Белоруссия – это форпосты наши на западе, но ведь там же не только украинцы, не только белорусы были в составе Красной армии, там были представители и из других регионов и представители других национальностей. Вопрос, конечно, если с ходу его решать, то, может быть, этот фактор, то есть антисоветские настроения, и имел место, и население действительно встречало немцев – соответственные есть съемки немецкой хроники, – что встречали с хлебом-солью, с рушниками.

ГАСПАРЯН: Давайте вернемся все-таки к армии, которая в массе своей оказалась в немецком плену. В последнее время стала фигурировать какая-то совсем удивительная цифра: 5 миллионов пленных в июне 1941 года. Насколько она соответствует действительности?

МЕЛЬТЮХОВ: Не, ну простите, в июне 1941 года столько пленных быть не могло! Имеется в виду первое полугодие до декабря 1941 года, скорее всего.

ГАСПАРЯН: Нет, я недавно прочитал в одной из латвийских газет уникальную цифру про 5 миллионов. Я вас и спрашиваю по этому поводу.

МЕЛЬТЮХОВ: Я, конечно, понимаю, что латвийская газета – это очень «важный» источник, конечно, ее нужно читать. Ну, вам по роду слова, само собой, это приходится делать. Нет-нет, я думаю, все прекрасно понимают, что количество пленных у нас нарастает с течением боевых действий, и в июне просто немцы не успели никого так уж сильно окружить. Конечно, понятно, что пленные были с первых дней, это совершенно очевидно. Но, скажем, опираясь на немецкую статистику, мы с вами можем сказать, что к концу 1941 года германские структуры, которые занимались учетом военнопленных, учли почти три милли-

она девятьсот тысяч человек. В принципе, конечно, можно найти и цифры по концу июня, там что-нибудь будет порядка 150–200 тысяч.

ГАСПАРЯН: И я хочу задать уже традиционный вопрос: сколько лет еще будет существовать вот этот своеобразный исторический ревизионизм, который мы наблюдаем с вами с последние годы? Адресую его вам, Владимир Александрович.

НЕВЕЖИН: Политическая актуальность такого события, как Великая Отечественная война, как 22 июня 1941 года, это для нас дата была – день скорби и памяти, она будет, наверное, всегда присутствовать. Другое дело, что сейчас после распада СССР почти 20 лет прошло, но мы окружены государствами, которые воссоздают свою государственность, некоторые ее обосновывают, у них новые какие-то идеологические вызовы для нас...

ГАСПАРЯН: То есть они таким образом пытаются обосновать свою государственность?

НЕВЕЖИН: Они отказались от участия Советской Украины в Великой Отечественной войне, у них совсем другие критерии. Мы не готовы или плохо готовы к этим вызовам. У нас нет таких специалистов сейчас, которые бы знали украинский, немецкий язык и чтобы изучали по архивам то, что происходило на Украине. И вряд ли это нам будет дозволено. Вот это будет присутствовать, не знаю, как долго. Потому что с Белоруссией уже легче, ну и мы уже не говорим о Прибалтике. Они тоже обосновывают свою государственную легитимность, они создают новую идеологию, которая полностью отрицает все советское.

ГАСПАРЯН: Как должна Россия на это реагировать?

НЕВЕЖИН: Есть специальные компетентные люди, есть у нас МИД, есть у нас государственные структуры...

ГАСПАРЯН: А историки?

НЕВЕЖИН: А историки сейчас в таком сложном положении в связи с созданием комиссии по предотвращению попыток фальсификации истории, которые идут вопреки интересам России. Но историки, конечно... Если мое мнение хотите – хорошего не ждут. А в целом, если сказать в заключение нашего разговора, конечно, Великая Отечественная война, Вторая мировая война и все, что происходило в те годы, эта проблема – она будет обостренной, мне кажется, в течение многих лет. Я думаю, что никогда интерес не будет ослаблен. Может быть, какие-то новые материалы будут введены в оборот, но слишком много разных событий, которые нам непонятны. Мне кажется, они будут продолжать волновать, будоражить общественность, а значит, к историкам всегда будет обращен вопрос: расставьте все точки над «і».

А. Исаев. Теория Виктора Суворова

*Алексей Исаев. Военный историк.
Автор многочисленных исследований
по Великой Отечественной войне.*

ГАСПАРЯН: Я знаю, что вы автор книги, касающейся теории бывшего советского разведчика Виктора Суворова, он же Владимир Богданович Резун, по-моему, называется «Анти-суворов. Большая ложь маленького человека».

ИСАЕВ: Ну это авторское название скорее «Антисуворов», а «Большая ложь» – это приставка издательства.

ГАСПАРЯН: Как я понимаю, претензий накопилось у вас много к Суворову, если целая книга написана.

ИСАЕВ: Я бы сказал так, что вопросов накопилось в обществе, у историков вопросов по тем темам, которые поднимает Владимир Богданович, на самом деле, практически нет. В основном ситуация ясна, что происходило, понятно, другой вопрос, что это не всегда можно объяснить простыми словами. Точно так же, как объяснение молнии гораздо проще в виде Ильи-пророка, чем в виде каких-то рассказов о зарядах, которые происходят в облаках.

ГАСПАРЯН: Хорошо, если вот совсем дистанцироваться сейчас от научных терминов, от военных терминов, теория Виктора Суворова, он хоть в чем-то прав?

ИСАЕВ: Нет, его книги – это гора фактов, передедранутых, расставленных в невольном порядке, неверно понятых, и из-за этого создается картина мира зачастую даже противоречивая внутри его собственного повествования. Так, например, он говорит, что оборона – просто вершина военной мысли, что если бы мы готовились к обороне, то все было хорошо. При этом выдвигает противоположный тезис, что Германия думала о том, что СССР на нее нападет, и, вместо того, чтобы строить оборону от моря до моря, она почему-то на нас напала. Существует логическое противоречие внутри его книги, поэтому говорить о том, что он в чем-то прав, я боюсь, будет несправедливо даже к тем, кого он цитирует и перевирает при цитировании.

ГАСПАРЯН: Я полагаю, что все-таки подавляющее большинство слушателей имеет представление о том, что же все-таки такое теория Владимира Богдановича Резуна, он же Виктор Суворов. Но для тех, кто не имеет, то есть вкратце объяснить, суть ее сводится к тому, что на самом деле Гитлер совершил, как я понимаю, превентивное нападение на Советский Союз.

ИСАЕВ: Давайте, как говорится, я для простоты сформулирую, в чем собственно суть теории. У нас была священная корова – это военно-промышленный комплекс, который производил прекрасную технику, не имеющую аналогов в мире. Поражения 1941 года соответственно падали черным пятном на армию. И Виктор Суворов попытался совместить эти две вещи. То есть он, с одной стороны, восхвалял ВПК, который на самом деле производил продукцию не самого лучшего качества. Во-вторых, он как бы попытался снять вину с армии за 1941 год, что эти события произошли не из-за каких-то ошибок, а из-за того, что партия готовилась завоевывать Европу, что если бы партия не собиралась завоевывать Европу, то мы бы в 1941 году встретили немцев во всеоружии и, как говорится, мы бы им дали, если бы они нас догнали.

ГАСПАРЯН: Алексей, а что, партия не собиралась завоевывать Европу?

ИСАЕВ: Нет, то есть политика советского государства... Естественно, были лозунги, но лозунги «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!» в 1920 году даже, можно сказать, в расцвет революции, они носили скорее пропагандистский характер. Потом эта идея мировой рево-

люции постепенно сошла на нет, а осталась только в брошюрках политпропагандистов. Если мы будем внимательно рассматривать политику Советского Союза в предвоенные годы, то мы увидим скорее заботу о самосохранении, нежели об экспансии куда-либо далее. И это строилось прежде всего на невысоком экономическом потенциале, потому что Сталин и советское руководство прекрасно понимали, что имеющийся экономический потенциал – он не таков, чтобы строить какие-либо далеко идущие планы похода к Ла-Маншу, к Персидскому заливу и вообще куда-либо дальше хотя бы старых границ Российской империи.

ГАСПАРЯН: А деятельность Коминтернов в 1920-х–1930-х годах?

ИСАЕВ: Коминтерн как организация, он достался в наследство Сталину от революции, и его деятельность можно объяснить так, что, зная свою слабость, Красная армия, во-первых, воспитывала бойцов, а вот если случится война, то противник, который явно лучше вооружен и лучше технически оснащен, он взбунтуется, начнет втыкать штыки в землю. Это была как бы одна пропагандистская волна. А вторая пропагандистская волна – это поддержание некоей организации в Европе, которая бы в случае войны действительно муссировала и поднимала некую антивоенную волну. И если случается страшное (если СССР сталкивается с Европой), то, по крайней мере, будет облегчена участь Красной армии за счет каких-то, ну, если не восстаний в тылу, то некоего недовольства, которое надо будет гасить и отвлекать на это силы.

ГАСПАРЯН: Вы сказали, что не было никаких планов расширения Советского Союза, на это вам политики нынешние уже Восточной Европы или ряда стран Балтии так называемых, бывших Прибалтийских республик в составе Советского Союза, скажут: «Ну а как не было?! Было присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году». Фактически, безусловно, это возврат исторических российских земель, но факт остается. В 1940 году было присоединение трех Прибалтийских республик, была попытка присоединения Финляндии. Как это все вяжется с тем, что вы сказали, что никаких планов на самом деле не было?

ИСАЕВ: Планов завоевания Европы, то есть ухода всего континента под власть Советского Союза, не было. И это действительно так. Что касается лимитрофов Западной Украины и Белоруссии, Финляндии, Прибалтики – это ключ к Ленинграду. Ленинград – это город, в котором сосредоточено сразу несколько крупных заводов военных, и если отдать Прибалтику... ведь начали-то с малого, начали с размещения воинских континентов, которые, в общем, сидели на базах так, на всякий случай, это произошло еще осенью 1939 года. Затем, когда возникла мысль о том, что вот эти Прибалтийские страны могут быть одним прыжком захвачены немцами, как была захвачена Чехословакия, и о том, что немецкие войска будут стоять под Нарвой, можно сказать, в двух шагах от Ленинграда, приняли меры. Точно так же Финляндию, ей вполне поставили прозрачные условия: «Давайте поменяемся территорией, давайте отодвинем границу от Ленинграда?!» Вот это отодвигание границы – оно помогло, если так по большому счету говорить. Что касается Западной Украины и Западной Белоруссии, во-первых, да, действительно, это территории, которые оказались отторгнуты в результате смуты, Гражданской войны. А так опять же осенью 1939 года правительства Англии и Франции отправили в СССР прозрачный запрос: «А вот эта граница, которая проходит сейчас на востоке Польши, она, что, останется на веки вечные?» На что последовал ответ, что судьба Польши будет определена позже. Она действительно была определена позже, то есть вопрос с Польшей был решен в Ялте, и граница, она не прошла там, где она возникла после событий сентября 1939 года. Поэтому явной экспансии дальше линии достаточно условной – подчеркну, – напомним, что Российская империя имела куда большую территорию на западе, и в нее входила часть Польши, эта часть Польши в состав СССР в итоге так и не вошла, поэтому экспансия на сколь-нибудь далекие расстояния – то, о чем пишет Суворов, о том, что вся Европа и в перспективе даже весь мир должны были пасть к ногам Сталина, – это,

в общем-то, ерунда и не подтверждается ни фактами, ни опубликованными ныне документами.

ГАСПАРЯН: Алексей, когда мы говорим про теорию «Ледокол», я думаю, ее уместно так называть, то возникает целый ряд вопросов, причем вот он возник не сейчас, не в 2009 году, а, если мне память не изменяет, в 1992 году, когда было первое издание, тогда уже в Российской Федерации. И вопросы-то, они очень простые: почему все-таки советские войска были стянуты к западной границе весной и летом 1941 года, к чему в результате готовился Сталин?

ИСАЕВ: Они не были стянуты, в том-то и дело, что если бы они были стянуты, то катастрофа бы не произошла. Реально на границе была жидкая завеса из так называемых армий прикрытия, которая, если посчитать в танках, она, может быть, и выглядит внушительно, а если посчитать ее в числе соединений, то окажется, что в первый день войны 40 советским дивизиям, причем находящимся в штатах мирного времени (это очень важное уточнение, потому что они в полтора раза отличались от немецких)...

ГАСПАРЯН: Штат мирного времени – это сколько человек?

ИСАЕВ: 10 000 человек.

ГАСПАРЯН: А штат военного?

ИСАЕВ: 14 000 человек советская дивизия, соответственно немецкая дивизия, стоящая у границы, если смотреть по немецким документам, насчитывала от 16 000 до 20 000 человек. И вот когда против 40 советских дивизий выстроилась почти сотня немецких, они, естественно, эту завесу смели и дальше перемалывали войска, находившиеся в европейской части Советского союза, как бы эшелон за эшелон. Поэтому стягиваний не было, действительно на границе находились войска, которые в мирное время находятся в высокой степени готовности, это танковые войска, это авиация. Но и то они не были, в общем-то, стянуты, по крайней мере, авиация была эшелонирована довольно глубоко.

ГАСПАРЯН: Суворов утверждает, что чуть ли не в радиусе 1 км от границы находились аэродромы, именно поэтому там первым же налетом авиации смогли все уничтожить или истребить.

ИСАЕВ: Во-первых, если посмотреть даже немецкие карты, то этой картины не наблюдается, и аэродромы немцы атаковали на довольно большую глубину. Например, один из атакованных аэродромов находился на Украине, где они положили 7 своих бомбардировщиков за один день, находился в ста километрах от границы. Да были в Белоруссии ряд аэродромов, которые, естественно, не в километре или даже 10 находились от границы, достаточно близко, но это был неправильно интерпретированный опыт Испании. И. И. Копец, начальник Западного особого военного округа, считал, что истребительную авиацию надо приближать. Соответственно Астахов на Украине так не считал, и соответственно советская авиация на Украине располагалась совсем по-другому.

ГАСПАРЯН: А почему опыт Испании? Это опробовали в гражданской войне в 1937 году?

ИСАЕВ: Да, в гражданской войне опробовали некие приемы, и соответственно немцы там очень последовательно отработывали свою технику удара по аэродромам.

ГАСПАРЯН: Легион «Кондор», как я понимаю?

ИСАЕВ: Да, легион «Кондор», и эта техника, которая была отработана тогда и которая не была оценена в СССР, на самом деле, она обрушилась на советские ВВС в первые дни, когда их били не потому, что они находились близко к границе, как раз-таки находились очень далеко, даже канонады не слышали на границе, а за счет массированного применения авиацией нескольких волн, как говорится, 6 вылетов в день – максимальное напряжение, которое, в общем-то, просто технически советским ВВС не снилось, поэтому разгромили. А то, что находились близко, да, были аэродромы, на которые в первый день войны уже

въехали ну не танки, но пехота вошла, под Гродно, но это скорее исключение, чем правило. И объяснять тем, что слишком близко стояли, нельзя.

ГАСПАРЯН: Хорошо, аэродромы находились не близко, а далеко от границы.

ИСАЕВ: Ну не далеко, они находились вполне разумно от границы. По крайней мере, они могли и летать, прикрывать свои войска, и одновременно не оказаться сразу же под ударом немцев. И на Украине опять же советские ВВС показали себя неплохо, они сыграли очень важную роль в приграничном сражении именно потому, что они, во-первых, себя сохранили, во-вторых, нормально управлялись.

ГАСПАРЯН: Сегодня уже не только Суворов, а целый ряд современных российских историков – я не знаю, считаете ли вы их своими коллегами или нет – утверждают, что на самом деле все равно готовились к нападению, потому что там Белостокский выступ, тот же Мельтюхов, кстати говоря, у меня в эфире сказал, что сама конфигурация расстановки советских войск на западной границе свидетельствовала о том, что к обороне-то точно не готовились, а воевать малой кровью на чужой территории.

ИСАЕВ: Ну, во-первых, слова «малой кровью», «чужая территория» в полевом уставе 39-го года разделены 10 страницами.

ГАСПАРЯН: Нет, я же не сказал о том, что я сейчас процитировал полевой устав.

ИСАЕВ: А так, если говорить о Белостокском выступе конкретно, возьмем Белостокский выступ, я очень уважаю Мельтюхова, но тем не менее он напрасно смешивает политические и военные цели. Лучшим планом обороны является разгром армии противников, причем разгром активными боевыми действиями. Пример являет собой 6-дневная война 1967 года, когда израильские войска разгромили арабов, почувствовав угрозу своей независимости, существованию своего государства. Просто последовательно разбили опять же на чужой территории. Если брать конкретно наш Белостокский выступ, то на 22 июня 1941 года его конфигурация и расположение войск в нем идеально подходили для обороны. Можно его просто сравнить с расположением немецких войск в орловском выступе во второй половине июля 1943 года, когда немцы оборонялись. Сильнейший механизированный корпус стоит в центре, аккурат в центре выступа, он может быть выброшен в любую точку, и это в принципе соответствовало планам прикрытия, которые предусматривали оборону. Что касается вообще этой конфигурации границы, она действительно неплохо подходила для того, чтобы решить задачу политическую – подчеркну – обороны страны военными наступательными средствами, то есть сосредоточению войск сторон, потому что у нас предполагалось, что будет некий период, когда две стороны, поругавшись на дипломатическом фронте, везут войска...

ГАСПАРЯН: То есть сценарий Первой мировой войны, как я понимаю?

ИСАЕВ: Да, у нас планировали сценарий Первой мировой войны.

ГАСПАРЯН: А почему?

ИСАЕВ: Поскольку это был вполне близкий опыт, во-первых, а во-вторых, переоценивали возможности как разведки, так и дипломатических переговоров, поскольку немцы применили в 1941 году весьма нетипичный прием: они не предъявляли никаких ультиматумов, Польше предъявляли, Чехословакии предъявляли, нам не предъявили. Молчали на дипломатическом фронте, достаточно быстро выдвигали войска. До определенного момента, когда говорят, опять же, один из столпов теории Суворова – это наша разведка, которая чуть ли не на следующий день подписания плана «Барбаросса» его вот взяла и перевязанный розовой ленточкой принесла Сталину. Это все ерунда. План «Барбаросса» мы не знали.

ГАСПАРЯН: Даже в каких-то аспектах и деталях?

ИСАЕВ: Нет, мы не знали, какой будет план. Более того, его не знал даже Герман Гот, командующий 3-й танковой группой. Даже немецкие высшие командиры не знали деталей плана «Барбаросса».

ГАСПАРЯН: Алексей, а вот тут я вас перебью и замечу, что у меня до вас был доктор исторических наук Валентин Фалин, бывший посол Советского Союза в ФРГ, и он, сидя вот так же, как сейчас сидите вы, напротив меня, глядя мне в глаза, сказал: «Да на самом деле Сталин знал все детали плана „Барбаросса“!»

ИСАЕВ: К сожалению, такая вещь есть, как разведэтика. Я понимаю совершенно людей из разведслужб, из каких-то спецслужб, если их так обтекаемо назвать, которые говорят: «Да мы все докладывали, а вот дурак Сталин, он не верил и нас матом обкладывал, и поэтому ничего не получилось». Хотя если взять реальные документы, посмотреть, что Зорге не сообщал даты, когда это было актуально. Актуально было сообщить в мае, а то, что сообщали за 2 дня – за 3 дня до нападения, это уже было не в коня корм и мало пригодились. Действительно, у нас есть легенда, что наша разведка, она, как вот ВПК наш лучший в мире, не имеющую аналогов технику производит, так у нас вот есть разведка, наши Штирлицы, которые приносили планы с невысохшими чернилами. К сожалению, это не так, к сожалению, планы не были вскрыты. Опять же со мной согласен в данном случае Мельтюхов, одна из глав книги которого, кстати, я всем рекомендую, «Упущенный шанс Сталина». Ну, это как бы есть крикливое название, которое служит маркетинговым целям, есть суть, и там есть целая глава, которая называется как раз «...о проблемах внезапного нападения». Там рассказывается на фактах, что действительно была проблема в том, чтобы действительно вскрыть планы. Тут Фалин может лукавить в том, что планы не знали в достаточной степени детализации. До определенного момента было непонятно, то ли немцы будут защищаться, станут стеной и будут вторгаться в Англию, или же они на нас нападут. Разведка, да, докладывала. Иной раз она делала чудеса в том плане, что выявляла какие-то перегруппировки, но эти перегруппировки, до какого-то момента они не давали ответ на вопрос: нападут – не нападут, или они просто выстроятся плечом к плечу, эти дивизии, переброшенные, и будут стоять стеной на случай, если нам вдруг придет в голову помочь Черчиллю и защитить Англию. Если вдруг чего. Это вполне нормальная теория из июня 1941 года, из 1 июня 1941 года, она вполне разумно выглядит. Другой вопрос, что потом стало понятно, что все плохо, но меры принимать было уже поздно.

ГАСПАРЯН: Алексей, когда заходит разговор про теорию Суворова, второе, что вспоминают, ну помимо того, что делала Красная армия на советско-германской границе летом 1941 года, это почему были брошены знаменитые укрепрайоны, линия Сталина и линия Молотова. Есть все-таки какое-то логичное объяснение, почему было брошено на самом деле?

ИСАЕВ: Во-первых, линию Молотова никто не бросал, она активно строилась и сыграла важнейшую роль в первый день войны. Не одна и не две немецкие дивизии на ней застряли притом, что она была достаточно слабо занята небольшим количеством войск. Линия Молотова – это гигантская Брестская крепость, протянувшаяся от Восточной Пруссии до Перемышля и Сокаля.

ГАСПАРЯН: Но ведь все равно не сработала в том объеме, наверное, в каком задумывалась создателями?

ИСАЕВ: Потому что с одной стороны ее, конечно, и не достроили, а с другой стороны, ее брали люди, имеющие колоссальный боевой опыт и которые смогли ее проломить. Если бы Красная армия стояла по другую сторону границы и пыталась брать линию Молотова в тех же условиях, она бы ее не взяла, но немцы...

ГАСПАРЯН: Но Красная армия ведь взяла линию Маннергейма в Финляндии.

ИСАЕВ: Линия Маннергейма – это жалкое подобие того, что было и во Франции, и линии Молотова. Линия Молотова – это не 50 % артиллерийских сооружений.

ГАСПАРЯН: Ну, а погодные условия в Финляндии?

ИСАЕВ: В декабре, когда ее пытались брать первый раз, погодные условия были вполне шадящими. Более того, не было комаров, которые съели бы солдат летом.

ГАСПАРЯН: А-30?

ИСАЕВ: В-30, естественно, не брали. В-30 в январе, как говорится, обе стороны сидели и готовились к предстоящим боям. Ее брали, естественно, не в минус 30, ее брали не в метровый снег. Ее брали, накопив достаточно сил, и если б опять же на месте Красной армии на Карельском перешейке в декабре 1939 года были немцы, имевшие опыт Первой мировой войны, его осмыслившие и способные штурмовать эти укрепления, они бы ее вынесли за неделю. Точно так же как Красная армия выносила восточный вал, Кенигсберг и другие укрепленные пункты немцев в 1944–1945 годах. Боевой опыт. Имеено он сломал линию Молотова. А линия Сталина – это еще один бумажный тигр, который опять же в 1930-е годы Никита Сергеевич Хрущев строил линию Сталина на Украине и отвечал за нее. Поэтому он не мог говорить, что она плохая. Хотя в действительности укрепления были достаточно слабыми по меркам даже 1930-х годов. И их штурмовала обычная артиллерия. Немецкие горные егеря назвали день штурма линии Сталина Днем артиллерии. И они просто расстреляли доты своими тяжелыми орудиями. И все.

ГАСПАРЯН: Сокрушили полностью.

ИСАЕВ: Не сокрушили полностью, пробили брешь, а затем уже, через брешь войдя, можно было выходить в тыл войскам, которые сидят на соседних участках.

ГАСПАРЯН: Алексей, вы сегодня уже неоднократно говорили о том, что в Германии был осмысленно переработан опыт Первой мировой войны, а в Советском Союзе нет. Почему?

ИСАЕВ: Нет. Это не совсем так. Во-первых, в Германии был хорошо проработан тактический опыт Первой мировой войны. Были выработаны методы прорыва обороны, то, что на Западе называется смол юнитатикс. То есть тактика небольших подразделений. В СССР же правильно оценили стратегию и с самого начала понимали, что война будет долгой, что она потребует дополнительно мобилизации ресурсов, напряжения всех сил страны. То есть с самого начала 1941 года СССР готовился к тотальной войне, которую немцы объявили только в 1943 году. Так что каждая из стран вынесла из Первой мировой войны свой опыт. И как ни странно, у нас сыграл важную роль опыт Гражданской, когда, можно сказать, с нуля строили...

ГАСПАРЯН: Маневренная война так называемая.

ИСАЕВ: Ну, маневренная она была достаточно условно.

ГАСПАРЯН: На юге-то России...

ИСАЕВ: Маневрирование было, но, тем не менее, основой был опыт – это строительство армий почти с нуля. Точно так же, потеряв огромное количество войск и техники в приграничье, у нас построили заново армию, не из пустоты, конечно, но, тем не менее, эта армия сумела отстоять Москву и остановить немцев. Так что каждая из стран вынесла что-то свое. И это вынесенное свое, оно помогало немцам как бы. И в периоды блицкригов, и в периоды поражения. Точно так же и Красная армия.

ГАСПАРЯН: То есть ретроспективно, если посмотреть из XXI века, получается, что опыт, который вынесло руководство Советского Союза, оказался более удачен для применения в 1941 году.

ИСАЕВ: Да, он был более удачен. И тем не менее, недооценка опыта, который правильно оценили немцы, она обернулась достаточно тяжелыми потерями в 1942–1943 годах, когда учились рвать укрепления. То, что немцы умели в 1941 году, скажем так, умели не все, но были у них тараны, которые были способны ломать оборону. У нас эти тараны появились во второй половине войны. Поэтому, когда Суворов говорит о том, что армия встает в оборону Красная и все, ее ничем не сокрушить, это неправда.

ГАСПАРЯН: Когда наши сограждане вспоминают про теорию Суворова, тут же кто-нибудь патетически поднимет вверх палец и скажет, ну, хорошо, Советский Союз был миролюбивым государством и готовился к обороне. А где план обороны Советского Союза? Почему он до сих пор засекречен? Вообще он существовал на самом деле, план обороны Советского Союза?

ИСАЕВ: Еще раз подчеркну, что есть политическая задача обороны страны и есть план первой операции войны. План первой операции, он опубликован, причем в нескольких версиях.

ГАСПАРЯН: Это план прикрытия границ, как я понимаю.

ИСАЕВ: Нет, нет. Это отдельно идет вещь – план прикрытия границы, он на период мобилизации и развертывания. То, что мы считали, что объявят нам войну, поругаются дипломаты, не будет две недели до первой операции. Эти две недели действует план прикрытия. Как только войска разворачиваются, начинается первая операция. Первая операция была у нас предусмотрена таким документом соображения. Соображение – это название, которое по основам стратегического развертывания, которое идет еще со времен российской императорской армии. И этот план предусматривал наступление с целью разгрома армии противника у своих границ. И этот план опубликован, подчеркну, в нескольких версиях. Он эволюционировал вплоть до начала войны. Другой вопрос, что из-за особенностей встречи с вермахтом 22 июня он не мог быть использован, потому что по нам ударили уже сосредоточенные главные силы. Поэтому этот план, он сразу же перестал быть актуальным. Если бы, например, где-то в первых числах июня начали бы нам предъявлять ультиматумы, если бы возникло некоторое трение на политических вопросах, начались перестрелки на границе, то и возможно, да, план прикрытия второго июня, война в воздухе и в 20 числах июня две стороны начинают друг по другу колошматить танковыми ударами. Это тот сценарий, на который у нас рассчитывали.

ГАСПАРЯН: А откуда, кстати, была вот эта святая уверенность в том, что война будет происходить именно по этому сценарию? Ведь у Сталина и у всего руководства Советского Союза, в том числе у Красной армии, был опыт Гражданской войны, где никаких таких дипломатических ухищрений не было. Где в лоб сразу, как при Ватерлоо, прямой удар.

ИСАЕВ: Но это на уровне тактики прямые удары, а так есть знаменитая фраза, произнесенная начальником штаба Прибалтийского округа Клёновым, который сказал: мы не такая страна, как Польша. Считалось, что мы сумеем вскрыть сосредоточение противника. А вскрыв его, примем контрмеры. Реально мы это...

ГАСПАРЯН: А почему вскрыть не удалось?

ИСАЕВ: Во-первых, немцы тщательно разделили свои войска на эшелонах. Только в последнем эшелоне ехали танковые дивизии. То есть до последнего момента все выглядело как заслон против Франции. И вот этих двух недель на ответные меры нам не хватило. В период сообщения ТАСС уже было принято решение, да, мы разворачиваемся к границе. Но уже выдвинуть к 22 июня не успели. Нужны были две недели, осталась неделя. Поэтому нас били точно так же, как били Польшу. Но это просчет и политический, и военный, и разведки. Но сейчас довольно просто осуждать тех людей, которые тогда принимали решение. Но решения принимались из тех данных, которые были тогда. Суворов строит свою теорию на том, что лежит план «Барбаросса», а Сталин принимает совершенно другие решения. Но плана «Барбаросса» не было, был какой-то хаос сообщений разведки, которая не давала окончательного ответа. А когда стало ясно, Сталин принял решение – войска двигаем. Но они доехать не успели, уже встретили немцев на рубеже Двины.

ГАСПАРЯН: Алексей, то, что вы говорите, это все, конечно, интересно, но самое-то удивительное состоит в том, что вы в чем-то в принципе согласны с Виктором Суворовым. Я вам сейчас даже объясню, в чем. Вы сказали, не хватило двух недель, тогда бы сумели

противостоять немцам. Но самое удивительное в том, что и Суворов говорит ровно то же самое, не хватило двух недель. Только он в другую сторону, у него это все к июлю относится. И вот этих двух недель не хватило, а вот если бы хватило, тогда бы мы немцам показали.

ИСАЕВ: Это совершенно не является секретом, эти две недели, это писалось еще в советские времена. Все то, что я вам рассказывал, я как бы несколько упрощаю все то, что писалось в специальных книжках.

ГАСПАРЯН: Это для служебного пользования.

ИСАЕВ: Нет, не служебного пользования. Почему? Они продавались в магазинах. Другой вопрос, что надо было, как учебник по дифференциальным уравнениям, сесть, прочитать и понять, что там написано. А это несколько сложнее, чем про автострадные танки и самолеты «Шакалы» прочитать, усвоить. Поэтому разница в чем между моими утверждениями и утверждениями Суворова? Суворов говорит, что был независимо от немцев план, который никак не зависел от их действий, а с днем М, как он это называет, на шестое июля заранее назначено.

ГАСПАРЯН: Это план «Гроза», как его еще называют.

ИСАЕВ: Да. Ну, «Гроза» вообще это был один из сигналов на ввод планов прикрытия, как ни странно. Ну, так вот, был на самом деле совершенно другой план. Был план действий, зависящий от того, что делает противник. То есть, если немцы не везут войска на Восток, то никакая дата шестого июля, естественно, не назначается. И более того, она и в реальности не назначалась, потому что не знали, что случится. И выдвигали осторожно на рубеж еще Двины и Днепра. То есть не знали, что и как будет. И в этом отличие. В одном случае некий план, который чуть ли не с 1920-х годов вынашивается, и все сходится в одну точку. И есть некие действия, предпринимавшиеся в ответ на действия противника. Точно так же как Польша реагировала, но не успела на действия немцев. Точно так же как Франция в том же 1939 году. У нас советский агитпроп говорил, французы презирали Польшу, не считали нужным ей помогать, поэтому не атаковали в сентябре 1939 года. Хотя произошло то же самое, что у нас в июне 1941 года. Упреждение, мобилизация, развертывание. Когда французской армии нужно было две недели на то, чтобы мобилизоваться окончательно, собрать ударные группировки, атаковать Западный вал.

ГАСПАРЯН: Хорошо, Алексей, я верю, что армия готовилась к обороне.

ИСАЕВ: Она и не готовилась к решению политической задачи защиты страны наступательными средствами.

ГАСПАРЯН: Хорошо. Она, по крайней мере, не готовилась нападать на Германию. А можно сформулировать?

ИСАЕВ: Да. Политическая задача – завоевание Европы – не ставилась.

ГАСПАРЯН: Замечательно. Тогда в этой связи один вопрос, а почему такое бешеное отсутствие карт?

ИСАЕВ: Почему отсутствие? Они были...

ГАСПАРЯН: Суворов, по-моему, минимум две главы посвятил тому, что карт не было, поэтому воевали плохо. Зато были в достатке карты Восточной Пруссии и всех прилегающих к ней регионов.

ИСАЕВ: Суворов все строит на том, что архивы закрыты. Если кто-то захочет пойти в архив в Подольске, то он найдет там массу карт, в том числе по 1941 году. Суть была в том, что картографировалась не вся территория от Бреста до Находки. Картографировалась в первую очередь полоса, подчеркну, в обе стороны 300 км от границы. Считалось, что не произойдет ничего плохого, что заставит нас отступать дальше Днепра. Поэтому до Днепра были карты всех масштабов, и то же самое в другую сторону границы. Поэтому то, что стало не хватать карт при отступлении дальше вглубь страны, это не то, что мы готовились наступать, а то, что мы не думали, что нам придется так долго обороняться. И главное, так долго

отступать. Естественно, в 1941 году ни у кого не было подробных карт Сталинграда, потому что никто не готовился отступать до Сталинграда. И точно так же не готовились отступать до Москвы. Но на полосу вдоль границы карты были, и они использовались в приграничном сражении. И более того, немцы их использовали, потому что у нас были неплохие карты.

ГАСПАРЯН: Мы уже затрагивали с вами автострадные танки и самолеты «Шакалы». Действительно такое название было самолета «Шакал».

ИСАЕВ: Это название, придуманное Виктором Суворовым, он называл так самолет, обладающий слабым оборонительным вооружением, ударный самолет со слабым оборонительным вооружением. Ни в каких ни в документах, ни в воспоминаниях такое название не фигурирует. Хотя такие самолеты имелись на вооружении ВВС большинства стран мира. Они были просто данью времени. Точно так же автострадные танки. Он почему-то считает, что вот то, что мы применяли колесно-гусеничные танки, они должны были на колесах использоваться в бою. Хотя на самом деле решалась очень простая и прагматичная задача – длительные марши по своей территории и маневр в процессе боевых действий. Никто не собирался сбрасывать гусеницы, куда-то там нестись по автострадам. Более того, на автострадах резиновые бандажи БТС, скорее всего, быстро рассыпались. Просто до того, как придумали гусеницы, способные выдержать марш в тысячу километров, пытались всякими ухищрениями повысить ресурс их, и в том числе одно из направлений было колесно-гусеничные танки.

ГАСПАРЯН: Военная техника Советского Союза действительно настолько превосходила все имеющиеся германские образцы, как об этом пишет Суворов, в частности и КВ, который чуть ли нельзя было вообще уничтожить. Даже готовясь к нашей сегодняшней беседе, я в Интернете прочитал совершенно замечательную историю о том, что, значит, целая немецкая танковая рота пыталась взять приступом этот один КВ, который расстреливал ее, как белок на охоте. И только когда у КВ все совсем закончилось, тогда немцы смогли его каким-то образом подбить чудом и пройти дальше. На самом деле это что-то имеют общее вот такие утверждения?

ИСАЕВ: В советское время сложилась теория о том, что наш ВПК выпускает некое чудо-оружие. К этому чудо-оружию отнесли КВ. На самом деле эти машины были очень сырыми и несовершенными. У них, например, на Т-34 механик-водитель мог запросто включить две передачи в коробке и сразу ее вывести из строя. То же самое и с КВ. Собственно, тот уровень техники, который был у немцев, позволял им делать самое главное в маневренной войне – совершать марши, как говорится, из точки А в точку Б и в точке Б воевать. К сожалению, отечественная техника, она не выдерживала этих маршей, этого темпа. КВ выходили из строя. У КВ были не взаимозаменяемые коробки передач. Если танк ломался, у него коробка передач ломалась.

ГАСПАРЯН: А у немцев было заменяемым?

ИСАЕВ: Да. У немцев была гораздо более совершенная техника. И почему они доехали и до Ленинграда, и до Москвы. Потому что они были способны намотать на гусеницы 10 тысяч километров и сломаться только после этого. Они выдерживали эти длительные марши. Точно так же в 1944–1945 годах, когда усовершенствованные Т-34 марши выдерживали, а немецкие «пантеры» и «королевские тигры» не выдерживали. Ситуация абсолютно симметрична, хотя на бумаге один танк явно кроет другой просто по толщине брони, там по каким-то формальным показателям. А так немцы благополучно боролись с КВ и Т-34 с первых дней войны.

ГАСПАРЯН: А почему тогда немцы брали эти КВ и Т-34 на вооружение? Ведь существуют действительно фотографии, тот же Суворов, кстати, их приводит, и говорит, что на этих танках немцы доехали до ворот Москвы. Это ли не доказательство убедительное гени-

альности русского конструктора, который сумел в кратчайшие сроки создать такую технику, которой ни у кого в мире не было.

ИСАЕВ: К сожалению, это не так. Естественно, никакие танковые дивизии на вооружение ни Т-34, ни КВ не принимали. Их использовала пехота, захватили, пока есть горючее, пока есть боеприпасы, используют. Естественно, до Москвы на них не доезжали. Основную массу немецкой техники 1941 года составляли немецкие танки, способные совершать эти длительные марши. А захватывалось крайне незначительное количество, точнее, захватывалось много, по объективным причинам Красная армия отступала. А использовалось крайне мало. Использовала опять же в основном пехота, для которой эти маршевые возможности были неактуальны. Точно так же у нас достаточно ограниченно использовали немецкие «тигры» и «пантеры», просто потому что у них были неважные для своего времени маршевые возможности. Эти рассказы, когда немцы начинают говорить о Т-34, о том, что пришли Т-34, нам все испортили, это обычно они прикрывают какую-то свою собственную ошибку или промах на оперативном уровне. Поэтому когда немецкие генералы говорят, что наш ВПК нам не давал сравнимого, это неправда. Так немцы имели на вооружении колоссальное количество – сотни тысяч бронебойных подкалиберных снарядов. И эти снаряды были способны бороться как с КВ, так и с Т-34. Благодаря им немцы, в общем-то, справились с этим кризисом противотанковой обороны.

ГАСПАРЯН: Книги Суворова, а это ведь все-таки не только «Ледокол», «День М», «Беру свои слова обратно», это огромное количество всевозможных историй про 22 июня и близлежащие какие-то даты. Можно, в принципе, брать любую историю и рассматривать ее, потому что вы рассказываете действительно, на самом деле, очень интересные вещи. Я хотел бы заострить вопрос на роли Павлова, командующего Западным фронтом. Суворов, в принципе, как многие пишут в Интернете, он достаточно четко показал, что Павлов не был виновен в страшном разгроме первых дней войны в 1941 году. И что на самом деле Павлов руководил именно введением в Красную армию танков Т-34. Это на самом деле правда или и здесь что-то где-то близко к истории, но не так?

ИСАЕВ: Тут именно слышали звон, я имею в виду Владимира Богдановича, но не знают, где он. Ситуация с Павловым, а это на самом деле признавалось, что в первую очередь это была попытка найти некоего мальчика для битья. Это опять же у нас признавалось издавна, едва ли там не с 60-х годов, когда думали, что эта катастрофа, она будет единственной. И вот если расстрелять, то страна подумает, что да, появились некие плохие люди, из-за которых мы потерпели поражение, как армия Самсонова в царской России. На самом деле Павлов допустил типичные ошибки для советских командующих того периода. Против него были большие силы, но, тем не менее, я не могу сказать, что он абсолютно не заслуживает упреков в разгроме Западного фронта.

ГАСПАРЯН: А документы вообще рассекречены по делу Павлова?

ИСАЕВ: Пространный допрос Павлова, он опубликован еще в 1998 году, даже раньше. По крайней мере, в 1998 году он вышел уже не в журнальном варианте, а в сборнике документов по 1941 году. И сейчас известны документы по всему этому делу.

ГАСПАРЯН: До вас у меня был доктор исторических наук Невежин, который четко сказал, что известно по делу Павлова. Только допрос. А основные документы, они засекречены, причем Невежин даже не знает, где они. То ли они как бы в военном архиве теперь уже Республики Беларусь, или они, может быть, где-то здесь у нас. Но, по крайней мере, они не введены в научный или исторический оборот.

ИСАЕВ: Если говорить то, о чем говорил Невежин, они не опубликованы полным сборником. То есть все дело Павлова, такого сборника нет. Но, тем не менее, даже в факсимиле некоторых документов был арестован не только Павлов, был арестован его начштаба, был арестован командующий четвертой армии, там целая группа военных, на которую, в общем-

то, возложили вину за разгром Западного фронта. Были даже факсимиле документов. Это все Центральный архив федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). При желании можно это все получить. Естественно, можно пообивать пороги, потому что понятно, что борьба там даже не с какими-то бюрократическими машинами, а просто с какими-то формальностями, она не так проста, как кажется на первый взгляд, но выяснить это можно. И даже опубликованных документов достаточно для оценки самого этого процесса и роли Павлова. Павлов, да, он что-то упустил, ему с одного фланга докладывали достаточно четко и хорошо, и он на этот фланг бросил свои лучшие резервы. В этот момент Гудериан от Бреста прорвался к Барановичам, к Минску. Потому что просто командующий четвертой армией Коробков докладывал хуже. Павлов недооценил это направление. Так что нельзя сказать, что Павлов абсолютно ни в чем не виновен. То есть, да, у него есть серьезные ошибки, но за эти ошибки в последующем не расстреливали. В лучшем случае ссылали на Дальний Восток, потому что если всех расстреливать, так кто воевать будет. Но, тем не менее, Павлов остался всю войну жупелом. Каждый советский командующий знал, что есть прецедент, и если что-то случится, то...

ГАСПАРЯН: То не дай тебе Господь, что называется.

ИСАЕВ: Но, тем не менее, случалось это крайне редко. То есть расстрелы у нас применялись крайне редко. Более того, есть известная история, когда за одного командира дивизии Мехлис лично хлопотал перед Сталиным – давайте мы его расстреляем. На что Сталин ему наложил резолюцию, что не надо, у нас не так много командиров, чтобы ими разбрасываться.

ГАСПАРЯН: Алексей, вы сами сказали по поводу документов, что в принципе любой желающий может пойти и при известном везении, да, или упорстве...

ИСАЕВ: Прежде всего при упорстве.

ГАСПАРЯН: Может их получить. Опять же я сошлюсь на свой персонифицированный опыт. У меня в гостях последовательно были доктор исторических наук Михаил Мельтюхов, доктор исторических наук Валентин Фалин, доктор исторических наук Владимир Невежин, академик Александр Чубарьян, остальных не будем вспоминать. Что они все говорят? Что на самом деле, да, конечно, теоретически можно пойти и попробовать что-то получить, но на практике получается так: 80 % документов по Второй мировой войне до сих пор засекречены. Эту цифру надо принять как данность. Именно на это, что характерно, бьет все время в своих книгах или в своих выступлениях, интервью, публикациях Виктор Суворов. Он что говорит? Вы меня критикуете за то, что я пишу на открытых источниках, да, там мемуарах Жукова, мемуарах Рокоссовского, мемуарах Конева. А где мне получить документы, если их на самом деле не могут получить даже российские военные историки.

ИСАЕВ: Я лично, как российский военный историк, скажу так, что затруднений в своей работе в Подольском архиве я не испытываю, я бы так сказал, практически не испытывал. Для решения задач освещения того или иного сражения открытость документов достаточная. Может быть, в каких-то других архивах, там архив внешней политики, архив экономики, могут быть какие-то проблемы, но конкретно архив в Подольске, он работает прекрасно. Я боюсь, что главная трудность получения в нем документов – это трудность логистики, то, что надо доехать до Подольска, заставить себя пробиться через пробки и приложить некие усилия к тому, чтобы там поработать. Тот, кто прикладывает эти усилия, тот получает информацию как о реальном состоянии советской военной техники перед войной, о реальном состоянии приграничных военных округов. То есть, это все те вещи, которые, к сожалению, вынуждены извлекать из архивов люди, может быть, не столь именитые. Я, например, не являюсь доктором исторических наук. Мои коллеги, с которыми я работаю в Подольске, они тоже не осеяны какими-то научными званиями и титулами. Но они делают эту черную работу, благодаря которой мы знаем, что советская сорокапятка была действительно «прощай Родина», что она не брала 50 мм...

ГАСПАРЯН: Это в смысле – погибаю, не сдаюсь?

ИСАЕВ: Расчет, который получил это орудие, он, скорее всего, погибнет, и погибнет без толку. Это орудие не пробивало 50 миллиметров брони дальше, чем 50 м. Из-за этого, в общем-то, были наши большие проблемы с противостоянием немецкой технике. Тот же Суворов говорит, вот, посмотрите, какая прекрасная пушка. Давайте посмотрим его таблицы бронепробиваемости, да она любой немецкий танк одной левой. А смотришь обстрелы этих реальных немецких танков из реальной сорокапятки, и выясняется, что она почти бесполезна в борьбе с большинством немецких танков, имевшихся в 1941 году, если стоять в лоб. Соответственно, это 14 000 сорокапятки и погибли в значительной мере под гусеницами немецких танков, не имея возможности пробить их броню. И это причина того, что дошли до Москвы и Ленинграда немцы, а не то, что у нас вынашивались какие-то мифические планы завоевания Европы. То есть, причины, они более приземленные. И если их извлекать, если выяснять, что плохо было с тягачами, что маневренность артиллерии была плохая – вот эти все факторы складываются в единую мозаику, которая дает, может быть, менее лестный ответ на вопрос, почему случился 1941 год. Потому что Суворов апеллирует к патриотическим чувствам соотечественников.

ГАСПАРЯН: Но, действительно, это всем приятно признать, что мы-то были лучше, мы-то были сильнее и умнее, просто, ну, несчастье, чуть-чуть не успели.

ИСАЕВ: Случилось несчастье, что нас проклятые коммунисты заставили готовиться к...

ГАСПАРЯН: Но Суворов не говорит, кстати, по поводу проклятых коммунистов.

ИСАЕВ: Нет, он поливает их, но это такой враг, который, можно сказать, мертвый лев, которого можно пинать совершенно безнаказанно, и он его с удовольствием пинает. Но тут я не склонен его как-то морально осуждать, это его личное дело.

ГАСПАРЯН: Алексей, и все-таки с момента появления в России «Ледокола» прошло уже много лет. Теория стала устойчивым коммерческим брендом. Может быть, уже многие в России, прочитав Суворова и прочитав критику и полемику вокруг этой теории, ему уже не верят. Ну, вы сами посмотрите, что происходит. Выходят сборники «Правда Виктора Суворова». Рядом стоит на полках книжных магазинов уже «Неправда Виктора Суворова». Между прочим, по-моему, вы там участвуете.

ИСАЕВ: Да, я участвовал, отдельные статьи писал, было дело.

ГАСПАРЯН: С чем связан этот коммерческий интерес к этой теории, если вы в самом начале нашей программы сказали, что, в принципе, все это неправда.

ИСАЕВ: Ну, как, это удобная теория. Вместо того, чтобы учить дефуры, условно говоря, можно прочитать не иконописную в залихватском стиле книжку и сложить у себя в голове удобную картину событий. Вместо того, чтобы попытаться вникнуть в достаточно сложный процесс. Точно так же есть на Западе теория про то, что Рузвельт специально подставил флот в Перл Харборе. Есть прекрасная теория о том, что американцы сами обрушили свои башни, что сами подорвали. Это, действительно, коммерчески востребованные простые ответы на сложные вопросы. Ну, ради Бога, пусть расцветают все цветы. Пусть лучше живет, цветет и пахнет Виктор Суворов, но нам открывают архивы. Если эти две вещи будут существовать, то я ничего против не имею. Пусть, как говорится, окучивает свою нишу. Люди не хотят знать, как было на самом деле, ну, не надо их заставлять.

ГАСПАРЯН: Но здесь ведь, на самом-то деле, палка о двух концах. Потому что цветет и пахнет, как вы говорите, уже не только и даже, наверное, не столько Виктор Суворов. Потому что его теорию уже, по-моему, подхватили и развили до такого состояния, что сам Суворов может стоять в стороне и томно вздыхать по этому поводу. Посмотрите, какие по объему работы написал тот же Владимир Бешанов. Суворов рядом не стоит.

ИСАЕВ: У меня сложное отношение к Бешанову, но, тем не менее, он ни в коей мере не является поклонником теории Виктора Суворова. Просто есть целая группа разнокалиберных авторов, которые, действительно, строят конспирологические теории. На Западе это нормально, то есть, строй себе на здоровье свои теории, там их тоже вагон и маленькая тележка. Есть у нас Мухин с катынским детективом «Если бы не генералы», есть Бешанов, есть Мартиросян, то есть, есть весь спектр. Такая ниша.

ГАСПАРЯН: Есть Салонин, еще более, наверное, популярный, чем Бешанов.

ИСАЕВ: Как раз таки Салонин, это, вот, после того, как практически рухнула теория Суворова, в принципе, да, люди постепенно разобрались, что дело-то было совсем не так, доверие к нему уже сильно упало. Есть теория Салонина, которая является, можно сказать, таким заменителем теории Суворова. Как говорится, с ней тоже справимся. Если человек хочет разобраться, он разберется. Если он хочет удобной картинки, он приобретет любую, какую надо. Хочет, Сталин – красное солнышко, его обманывали генералы, ради Бога, это к одному автору. Хочет, злые коммунисты хотели убить и съесть всю Европу, это к другому автору.

ГАСПАРЯН: То есть, вы не поклонник теории «держать и не пущать».

ИСАЕВ: Пусть расцветают все цветы. Только в этом случае у нас будет цельная теория, что человек, если он захочет разобраться, он сможет по этой ниточке пройти. Потому что, разбираясь опять же с тем же Западным фронтом, находится очень много практически сенсационных вещей, если брать наши документы, если брать немецкие документы. Все постижимо, это все можно выяснить.

Н. Аничкин. Пограничники в 1941 году

Николай Аничкин. Военный историк.

Автор публикаций по истории пограничных войск.

ГАСПАРЯН: Предлагаю все-таки бросить некий ретроспективный взгляд на события предвоенные. По крайней мере, хотя бы на 1938 год. Как я понимаю, знаменитые ленинские слова «Республика в кольце врагов» к 1938 году кардинального изменения не претерпели?

АНИЧКИН: Нет, кардинального изменения не претерпели, и, как ни странно, они действительно были реальны. В то же время по сравнению если брать с 1920 годами, к 1938 году основная напряженность на границе уже спала и оставалась только на дальневосточной границе, то есть западные границы были все-таки более-менее мирными, а вот дальневосточная граница была достаточно сложной: там регулярные провокации японцев, очень сильно была развита контрабанда, например, знаменитый Никита Федорович Карацупа – он как раз начинал на дальневосточной границе, и большинство из захваченных нарушителей – это непосредственные контрабандисты.

ГАСПАРЯН: Это японские контрабандисты?

АНИЧКИН: По-разному. Как правило, это местные жители или иммигранты сопредельных территорий. Японцы контрабандой, как правило, не занимались непосредственно. Это были местные жители. Одновременно с этим более-менее успокоилась граница в Средней Азии, то есть басмаческое движение практически полностью было разбито, басмаческие банды ушли за границу, и количество нападений снизилось. Основное – это вот Дальний Восток, в частности озеро Хасан.

ГАСПАРЯН: Все-таки хочу напомнить, что большая часть русской эмиграции, она после Гражданской войны оказалась в Европе, соответственно, по идее, они должны были именно оттуда переходить границу. И в русском зарубежье существует огромное число мемуаров, которые в той или иной степени посвящены тому, как «охотники», как их тогда называли, они переходили границы Советского Союза. Насколько в принципе действительно были регулярными эти переходы, и как удавалось пограничникам противодействовать этим попыткам проникновения на территорию Советского Союза, ведь очевидно, что все-таки русские эмигранты, на тот момент они шли по каналам зарубежных разведок, будь то Финляндия, будь то Польша, будь то Румыния?

АНИЧКИН: Если брать именно 1937 и 1938 годы и позже, то вот здесь переходы именно эмигрантских групп на западной границе, они очень сократились.

ГАСПАРЯН: Было серьезное противодействие пограничников?

АНИЧКИН: Это и серьезное противодействие пограничников, и серьезная работа органов разведки против белогвардейских иммигрантских организаций, в частности похищение генерала Кутепова в 1930 году, похищение генерала Миллера. По сути дела РОВС был разгромлен, и именно диверсионно-террористическая деятельность РОВСа к тому моменту явно сократилась.

ГАСПАРЯН: Она вообще сошла на нет.

АНИЧКИН: Поэтому именно на западной границе вот таких вот задач было очень мало. Хотя, конечно, они оставались: это и Румыния, и Польша, и Финляндия, конечно, были нарушения, были и агенты разведок, собственно говоря, и польская, и румынская, и финская разведки очень любили использовать эмигрантов для агентурных работ, но к 1938 году они сократились. Противодействие пограничников, оно обычное. Ну, во-первых, конечно, существует такая вещь, как пограничная разведка, но в то же время пограничная разведка, она зачастую не может...

ГАСПАРЯН: Пограничная разведка – это что? Объясните для нашей аудитории, которая, может быть, впервые слышит вот такое вот определение.

АНИЧКИН: Это разведка пограничных войск, которая разведывает близлежащую пограничную территорию противника соответственно. Она ведет наблюдение, бывает, засылается агентура, но это все-таки уже реже. То есть пограничная разведка, конечно, есть. Есть завербованные агенты на той стороне, есть завербованные агенты на этой стороне. То есть, конечно, данные есть, но основное – это вот именно охрана границы. Необходимо сказать, что советская система охраны границы, которая сформировалась полностью к 1980 годам, она считается одной из лучших в мире.

ГАСПАРЯН: Немножко отойдем от прошлого, от Второй мировой войны – сегодня эта система охраны границы, сформированная к 1980 году, она функционирует или она тоже уже модернизирована?

АНИЧКИН: Здесь очень сложный вопрос, потому что пограничных войск как таковых сейчас нет, существует пограничная служба, пограничные органы. Было принято решение несколько лет назад о переходе охраны границ от войсковой к оперативной. Правда, оставили китайскую границу, войсковое прикрытие, на Кавказе войсковое прикрытие. Еще существует, но в то же время не хватает денег, нет модернизации системы...

ГАСПАРЯН: Но в целом родина может спать спокойно, граница функционирует нормально.

АНИЧКИН: В целом, да, в целом родина может спать спокойно, граница функционирует. Там была целая система охраны границ – это контрольно-следовая полоса. Кстати говоря, именно советское ноу-хау, и было разработано совершенно случайно. После чего идет забор из колючей проволоки. Если сейчас он подключен к электронной сигнализации, то тогда сигнализации не было, но, тем не менее, устанавливались самодельные сигнализационные устройства.

ГАСПАРЯН: Это то, что в фильмах показывают: банки консервные вешали, или это просто утрировано?

АНИЧКИН: Это и утрировано, и консервные банки вешали, и ставились и растяжки сигнальными пистолетами, то есть просто давалась ракета. Одновременно с этим к 1938 году пограничные войска были достаточно хорошо насыщены собаками. Были проброшены линии связи, были сделаны так называемые розетки для подключения телефона уже непосредственно с самой границей. То есть, наряд мог связаться непосредственно с заставой не только сигналом, но и по телефону. Сделано это было не везде. И одновременно с этим, привлечение местных жителей. Граница без местных жителей охраняться не может, и поэтому привлечение местных жителей было очень активное. Формировались добровольные народные дружины в помощь пограничникам, они очень сильно оказывали помощь.

ГАСПАРЯН: Николай, в чистках 1937–1939 годов пограничные войска сильно пострадали.

АНИЧКИН: Нельзя сказать, что цвет был уничтожен пограничных войск. Но они пострадали.

ГАСПАРЯН: Насколько это сказалось на боевой готовности пограничных войск?

АНИЧКИН: Достаточно сильно. Потому что уничтожались, ну, если Фриновский, который был в 1937 году начальником главного управления пограничной внутренней охраны, правда, позже он стал наркомом военно-морского флота и уже в этой должности был расстрелян. Самое страшное, что очень большой чистке подверглись учебные заведения, школы войск НКВД, высшая школа войск НКВД.

ГАСПАРЯН: Пограничников обучали там, как я понимаю?

АНИЧКИН: Да, до 1939 года не было отдельного главного управления пограничных войск, существовало главное управление пограничной внутренней охраны, и, соответ-

ственно, были школы войск НКВД. То есть, Петергофская военно-политическая школа войск НКВД, Московская, которая занималась, тогда она Бабушкинская называлась, которая занималась подготовкой технического персонала, Харьковская, Орджоникидзевская, там достаточно большое количество было школ войск НКВД. И была высшая школа войск НКВД, находилась она в Москве, ну, как сейчас это Академия пограничных войск. Готовили там, и основной удар пришелся по профессорско-преподавательскому составу. В то же время затронули старший состав непосредственно на границе. То есть, да, конечно, эти чистки сказались на подготовке войск.

ГАСПАРЯН: Итак, 1939 год, август, в Москве подписывается пакт Молотова – Риббентропа. Как на границе отнеслись к этому? Ведь пограничники, по большому счету, наблюдали это все.

АНИЧКИН: Да, они наблюдали. И, на самом деле, они на границе отнеслись к этому, если брать непосредственно пограничные войска, то достаточно спокойно – есть приказ, есть выполнение приказа. То есть, с выходом на новую границу были сформированы новые пограничные отряды. Украинский пограничный округ, тогда он назывался Киевский, во Львове с выходом на новую границу был сформирован Западный пограничный округ. В Белоруссии был сформирован Северо-западный пограничный округ. В 1940 году было сформировано Управление пограничных войск Украинской ССР со штабом в Киеве и Белорусской ССР со штабом в Минске. В их состав как раз входили, соответственно, Западный и Северо-западный округ. На самом деле, относились очень просто – было выполнение заданий. Есть задача взять под охрану государственную границу.

ГАСПАРЯН: Если мы говорим про сентябрь 1939 года, пограничники участвовали в том, что, я не знаю, уместно ли это называть боевыми действиями, или поход в Польшу?

АНИЧКИН: Вообще-то, уместно, боевые действия там были. Нет, особо пограничники не участвовали. Они пропустили войска за границу, но сами практически в освободительных походах не участвовали.

ГАСПАРЯН: С чем это было связано? С тем, что это не их профиль, или с тем, что границу нельзя оголять?

АНИЧКИН: Во-первых, границу нельзя оголить. А во-вторых, это не их профиль. Несмотря на то, что крупных боевых столкновений там не было, все равно потери, если мне память не изменяет, в районе 800 человек.

ГАСПАРЯН: У пограничников?

АНИЧКИН: Нет, у Красной армии. Пограничные войска просто физически не приспособлены для сражения с полевыми войсками противника. Это легкая пехота, на вооружении которых пулемет максимум. Начали поступать в 1940-х годах ротные минометы 50-миллиметровые, но тоже их мало было, да и сами они не очень хороши.

ГАСПАРЯН: Но когда появилась новая граница, как быстро удалось оборудовать погранзаставы на ней? И какие сложности были при этом?

АНИЧКИН: Ну, сложности, это, во-первых, конечно, отсутствие денег.

ГАСПАРЯН: Этот традиционно, и это не только для России характерно, это для любой страны.

АНИЧКИН: С новой границей, на самом деле, если брать западную границу, ее оборудовали достаточно быстро. Правительство выделило 10 миллиардов рублей. Это не только Украина, Белоруссия, Финляндия, страны Прибалтики, которые вошли в 1940 году. Вот, эта вся западная граница, на ее оборудование было выделено 10 миллиардов рублей. По тем временам они еще больше были. Так что здания застав не строили, занимались пригодные для этого помещения. Было произведено вспахивание КСП, установка сигнализационных...

ГАСПАРЯН: КСП – это что?

АНИЧКИН: Контрольно-следовая полоса. И установка, собственно говоря, непосредственно забора. Опять же, забор устанавливался не везде. Потому что в некоторых местах это было просто невозможно. Если взять, например, ту же самую границу с Финляндией, то там, в том числе, она и по озерам проходила, где невозможно установить, проблема была со связью. Связь была двухступенчатой: сначала от заставы связь шла в комендатуру, а от комендатуры связь шла непосредственно в отряд и в округ. Проблема заключается в том, что недостаток времени, недостаток денег, и зачастую пограничниками использовались линии связи Народного комиссариата связи. Причем они использовали их или по расписанию, либо когда эти линии не были заняты, что давало очень сложную проблему со связью. Радиостанций в нужном количестве просто не было. Наиболее радиофицированными частями были части на Памире, ну и, соответственно, морские части. Основная связь – это линейная. Провода, например, зачастую пробрасывались на уже вкопанные столбы, дополнительно вешалась линия. Зачастую эта линия обслуживала не одну заставу, а две, три, а то и пять. Уровень связи падает, соответственно. Со связью была очень большая проблема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.